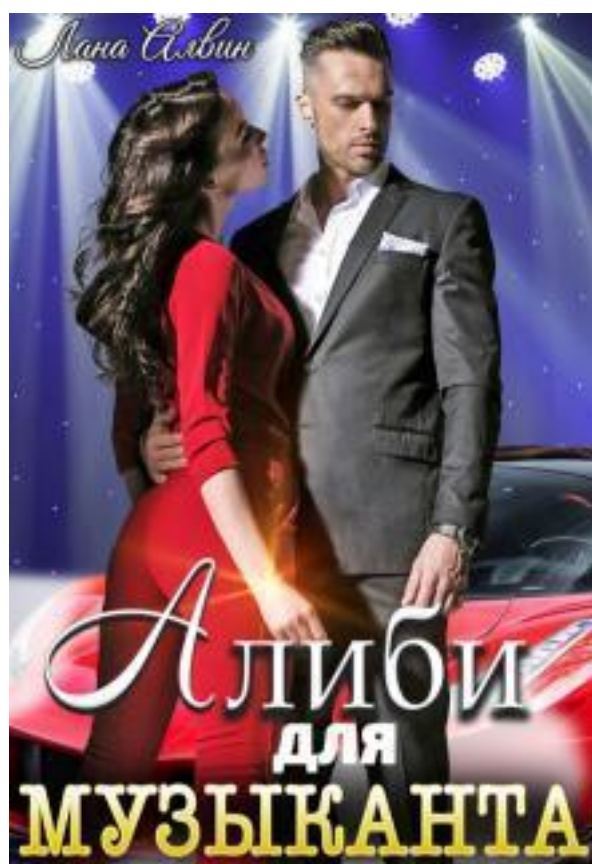




Лана Алвин

Алиби для музыканта

«Литнет»

2022

Алвин Л.

Алиби для музыканта / Л. Алвин — «Литнет», 2022

– Сфотографировала вас, а что, нельзя? – Даша дерзко глянула ему в серые глаза, которые еще пять минут назад казались умными и грустными, а теперь – бешеными. – С ума сошла? Удали немедленно! Я не разрешал! – Слава рванул к девушке. Пока шел, скрипя снегом, она видела: тяжело и часто дышит, пальцы сжаты в кулаки. Сильный, решительный, тестостерон в нем кипит, словно чайник на плите. – И что вы сделаете? – девушка спросила, а сама внутренне охолодела немного. – Увидишь сейчас, – он легко перемахнул через преграду, оказавшись рядом. Подошел, выхватил из её рук фотоаппарат, замахнулся и швырнул об забор.

© Алвин Л., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Машина дёрнулась последний раз и устало заглохла. Даша повернула ключ зажигания. «Миленькая, ну пожалуйста! Я куплю тебе новый аккумулятор, обещаю!» – погладила мягкую оплётку руля. Сама её выбирала, разноцветную. Красивая, яркая. Подарочек любименькой машинке. А она что?! Решила подвести в самый неподходящий момент, как не стыдно. «Ну давай, солнышко, последний раз, заведись», – ещё один поворот ключа. Бж-бж-бж... Без толку. Снова на себя, опять вперёд ключ... Всё. Теперь даже ни один огонечек на приборной панели не засветился.

Девушка бессильно откинулась на спинку. В салоне тут же, едва печка прекратила работать, стало холодать. Ещё бы! На улице почти минус 25! Девушка поёжилась. Натянула вязанные перчатки, лежавшие справа на сиденье. И что теперь делать? Как дальше быть? Пройдет ещё пара часов, и она тут заледенеет. Надо скорее выбираться из машины и просить кого-нибудь взять на буксир.

Идея показалась отличной. С надеждой на спасение Даша вылезла. Её ярко-жёлтая Nissan Micra постепенно покрывалась снежком. Тот равнодушно и густо сыпался с низкого неба, которое, казалось, вот-вот огромным мягким покрывалом уляжется на всё вокруг. На эти высоченные ели по обеим сторонам дороги, на саму автомагистраль, тянущуюся на вершину холма. Он не такой уж большой, но вот Micra решила, что её мощности не хватит на него забраться. Потому и заглохла. А может, сломалось что? Даша не могла сказать. Она только в одной технике разбирается – фотографической.

Стоять на заснеженной обочине, которая с каждой минутой превращается в сугроб, было неприятно. Хорошо, сильного ветра нет, иначе бы просквозило сразу. Вот говорила ей мама: Даша, надень под джинсы колготки потолще. Свитер возьми из козьего пуха, который тебе бабушка подарила. Да шапку с помпоном. А ты что придумала? Без колготок на мороз, да ещё в своей пусть и длинной, но всего лишь курточке на синтепоне. Да с капюшоном. «Задубеешь ведь!» – предупреждала мама.

Но Даша – девушка упрямая, с претензиями. Ей всего 23, в такие годы хочется выглядеть молоденькой, свежей и упругой, а не каким-нибудь оплывшим помидором не первой свежести в мешковатой одежде. Потому девушка с улыбкой сказала матери, что не замёрзнет. Ей ведь даже из машины выходить придётся только раза четыре всего, на автозаправке. Да и то – чтобы кофе купить, а бензин зальют сотрудники, она и охладиться-то не успеет.

«Ах, мама, мамочка! Ну как же ты была права!» – суетно перебирая ножками в зимних сапожках на рыбьем меху, приговаривала теперь Даша. Автомагистраль была пуста в обе стороны. Ещё бы! Никому не охота застревать где-нибудь в снежном заносе. И ведь она, Даша, прекрасно была осведомлена о надвигающейся непогоде. Но решила: поеду быстро, домчусь до Ледогорска за десять часов, оттуда ещё пара сотен километров, и я на месте.

Домчалась. Треть пути осталась. До города, судя по навигатору (последний раз смотрела на него полчаса назад), примерно двести километров. Вокруг – сплошной лесной массив. Ни деревеньки, ни городка, ни придорожного кафе. «Господи, какая же я дура», – подумала Даша. Прикусила нижнюю губу. Не расплакаться бы. На морозе-то! Сразу лицо обожжет. Он и так кусается. Колет в носу иголочками.

Девушка укутала мордашку шарфом. Стала дышать в него, так чуть теплее. Снаружи на кашемире стал нарастать иней. Посмотрела на часы. Два двенадцать. Пройдет ещё часа два, и начнёт темнеть. В шесть уже, считай, ночь. Что же делать?! И, как назло, ни одной машины, ни человека! И телефон не ловит. Сигнала нет. Ни единой черточки! Вот хоть ложись в сугроб и смотри последний сон.

Вдруг из-за снежной пелены показались огни. Машина! Даша даже подпрыгнула на радостях. Вышла на проезжую часть. Стала прыгать и отчаянно махать руками: только бы остановили! Но неожиданно прыгнула в сторону, плюхнувшись в сугроб и утонув в нем по пояс: мимо неё, словно локомотив через снежный буран, пронесся, разбрасывая по сторонам могучие потоки ледяного воздуха, огромный грузовик с большущим прицепом.

Отряхиваясь и отплевываясь от снега, который залепил ей всё лицо, Даша добрым словом помянула водителя в той фуре. Стала дальше притопывать, прихлопывая себя по бокам ладошками. Так немного становилось теплее. Потом решила забраться в машину, но там, судя по ощущениям, был уже настоящий морозильник. Закрыла дверь, та жалобно скрипнула оледенелым резиновым уплотнителем.

«Что же мне делать, ну что?! – пребывая на грани отчаяния, думала Даша.

Судьба вскоре подарила ей новую надежду. Опять показались огни, но уже с противоположной стороны. На этот раз – легковушка. Остановилась. Внутри молодой мужчина.

– Девушка, вы что тут делаете? Езжайте скорее! Буря надвигается! Циклон! – сказал он.

– У меня машина заглохла, помогите, пожалуйста, – сказала Даша в приоткрытое стекло.

– Простите, мы спешим! – послышался позади водителя визгливый женский голос. И уже тише. – Ты зачем остановил? Я же тебе говорила!

– Простите, нам нужно ехать, – ответил мужчина, закрывая окно. Машина тронулась и растворилась в снежной мути.

«Подкаблучник несчастный», – подумала Даша вослед.

Темнеет. Скоро ночь. Мороз станет ещё сильнее. Опустится градусов до тридцати. Даша стала думать, как согреться. Ледяные иголки холода подступали к её косточкам.

«Не дрейфь, Дарья, прорвёмся!» – думала она, то стоя на месте и прыгая, как зайчик, то прохаживаясь туда-сюда по тропинке собственного производства. Периодически отряхивалась: не хватало при жизни в сугроб превратиться. Так все мимо проедут: сугробов вокруг и без неё хоть завались. «Можно грандиозную, космических масштабов снежную бабу слепить, – подумала Даша и улыбнулась. – Всё-таки хорошо, что у меня есть чувство юмора. Иначе бы... О!»

Снова огни. На этот раз в нужную сторону. Не слишком быстрые. Девушка осторожно сделала шаг на дорогу. «Пожалуйста, миленький ты мой, возьми меня с собой!» – прошептала замёрзшими губами. Подбородком шевелить уже почти не могла – несмотря на кашемировый шарфик, он промерз до зубов почти.

Машина остановилась. Старенькая «Волга ГАЗ-31» белого цвета. Полузасыпанная снегом, только лобовое стекло, там где дворники, не залеплено. Да ещё фары, поскольку тёплые.

Даша резво подскочила к двери, открыла её. Изнутри повеяло спасительным теплом с запахом какого-то старого, советского кажется, одеколona.

– Юное создание, ты как тут очутилась? – послышался старческий голос. Водитель был пожилыми мужчиной с окладистой бородой.

– Добрый вечер, – проблеяла Даша, с трудом выговаривая буквы. – Я тут... машина у меня заглохла. Не поможете?

– Трос у тебя имеется?

– Нет.

– Эх, ты, горе луковое! – сказал водитель. – Ладно, садись, помогу твоему горюшку.

Даша забралась в салон и там уже продолжила трястись, хотя печка работала на полную мощность, выдувая из нутра машины горячий воздух, смешанный с запахами пыли, бензина и машинного масла. Ну, и советского одеколona почему-то. Флакон от него лежал наверху. «Саша», – прочитала Даша на полуистлевшей этикетке.

Старик между тем стал возиться около её машины. Подцепил к ней трос, затем к своей. Вернулся.

– Согрелась?

– Д-д-да, – ответила Даша, содрогаясь от одной мысли, что ей придётся вернуться в свою обледеневшую машину.

– Вижу, как «да», – усмехнулся в бороду старик. – Ладно, сделаем так. Ты садись за руль. Сильно не гони, лошадка моя старенькая. Езжай километров 60 в час. Не больше. Тут всё время прямо. До ближайшего городка доберемся, там видно будет.

– А в-в-вы к-к-куда?

– Чудо ты в перьях и апельсиновых кожурках, – хмыкнул старик. Глаза у него были добрые. – Твою железяку поведу, куда ж ещё! – Он пододвинул ей *sbltymt*. Закрыв дверь. Ушёл.

Даша забралась за руль «Волги». Непривычно! Всё такое большое. Но коробка «механика», как и на её Nissan Micra, значит ничего сложного. Девушка включила первую передачу. Машина тронулась, но, когда позади натянулся трос, пришлось поддать немного газу. И вот уже крошечная колонна медленно, но верно потянулась в метель. Дворники метались, разгоняя снежинки. Те отчаянно бомбардировали лобовое стекло, но оно было теплым, и белые хлопья тут же таяли, а следом резинки уверенно смахивали их в стороны.

Даша постепенно приходила в себя. Посмотрела на радио. Нажала на кнопку. Оттуда полилась какая-то старая песня. Про оленей, тундру и обещание увезти на край земли. «Так я уже на краю», – подумала девушка. Хотя понимала, что лукавит. До Ледогорска ещё ехать и ехать. Но главное было в другом: она не знала, сможет ли вообще даже приблизиться к цели своего далекого зимнего путешествия.

А всё началось неделю назад, когда её пригласили на собеседование в одно очень крупное международное издательство – HarperCollins Publishers LLC. Даша летела туда будто на крыльях. Так давно мечтала попасть в эту компанию! Это была её, можно сказать, мечта с самого детства: работать фотографом международного уровня. Только так, считала она, сможет себя проявить настоящий профессионал. А Даша себя таковым и считает: недаром с шести лет не расстанется с фототехникой.

Издательство только недавно открыло представительство в Москве, и Даша с замиранием сердца ожидала аудиенции с менеджером по подбору персонала. Тот оказался симпатичным мужчиной лет тридцати, одетым в строгий деловой костюм безупречного покроя. Представился по-русски с сильным британским акцентом. Сказал, что его зовут Грегори Мейер. Задал Даше несколько вопросов касательно её недолгой трудовой биографии, а потом сказал:

– Дарья, HarperCollins Publishers – одна из крупнейших издательских компаний в мире. Входит в «большую пятерку» англоязычных издательств наряду с Hachette, Holtzbrinck/Macmillan, Penguin Random House и Simon & Schuster. Это налагает на каждого сотрудника высочайшую ответственность. Мы ознакомились с вашим резюме и готовы взять вас на работу...

Сердце у Даши в этот момент, кажется, замерло. Она вся обратилась в слух.

– ... С одним условием. Вы должны нам привезти снимки с фотосессии, которая убедит нас в стремлении сотрудничать с вами. Мы не ставим перед вами творческой задачи, поскольку вы фотограф, художник. Решать вам. На выполнение даётся месяц. Потом встречаемся и оцениваем результаты. Делать это будут наши профессионалы, – и Грегори назвал несколько имён, от которых у девушки аж дыхание спёрло. Это же... на всю планету гремящие имена фотографов, которым до звания «великий» осталось чуть, а легендарными их считают уже давно!

На том и расстались. Даша вернулась домой в глубокой озабоченности и стала думать, что бы или кого ей сфотографировать. Идея пришла ей в голову довольно скоро. Была она безумная и опасная, а ещё – невыполнимая.

Глава 2

Когда Даша пришла домой, её мама Валерия Петровна посмотрела на неё с интересом, надеждой и тревогой одновременно. В семье давно знали, насколько дочь увлечена всем, что связано с фотографированием. Нормальные девочки с куклами играют, а это чудо природы как получило в шесть лет свой первый фотоаппарат, Minolta DiMAGE Z1, так и про все остальные игрушки позабыла. Ни Барби, ни Lego, ничего ей больше было не нужно, кроме как эта маленькая серебристая вещица.

И ладно, если бы в доме ну хоть кто-нибудь этим занятием интересовался. Так ведь нет! Да и откуда? Отец Даши Максим Леонидович – капитан дальнего плавания, вечно пропадает в своих многомесячных навигациях. Он большой поклонник трех вещей на свете: своей коллекции табачных трубок, американской музыки 1950-х годов и жены, в которую влюблен со старших классов. Они как стали дружить в ту пору, так до сих пор вместе, а поженились сразу после школы. Чем вызвали, естественно, бурную реакцию своих родителей. Но преодолели всё и счастливый до сих пор.

Сама Валерия Петровна – домохозяйка, любит смотреть юмористические сериалы и заниматься своей домашней оранжереей, в которой цветов видимо-невидимо. Она их выращивает, продает, обменивается, покупает новые и так далее. «Мой маленький яркий бизнес» – так называет. И вот откуда, спрашивается, в такой семье девочка, которая так сильно увлеклась фотографией?

Она со своей Минолтой снимала всё подряд. Отцовские трубки и мамины цветы стали первыми «жертвами» её художественных поисков. Сначала Даша просто их фотографировала. Затем стала составлять композиции. Кончилось парой разбитых горшков и трубкой, извалянной в земле. Получила по шее, не остановилась. Она вообще всегда была очень упрямая. Втемяшит себе что-нибудь в голову – не остановишь.

Вот и теперь, когда сообщила матери о полученном от HarperCollins Publishers задании, такое придумала, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Мамоchка, я придумала, кого хочу сфотографировать для издательства! – радостно воскликнула Даша. – Его зовут Бриллиант!

– Как-как? – переспросила Валерия Петровна.

– Бриллиант!

– И что это такое, и это с чем едят? – пошутила мать.

– Ну ты совсем от жизни отстала. Это поп-идол современной молодёжи, рэп-исполнитель, самый крутой из всех! Слышала его композиции «Добраться до неправды», «Между нами войнушка», «Клыкастая ассимиляция»?

Мама отрицательно помотала головой.

– Ай! – дочь разочарованно махнула рукой. – Ты слишком древняя для этого. Тебе лишь бы Валерия Леонтьева слушать или Иосифа Кобзона.

– Ну ты уж загнула, – рассмеялась Валерия Петровна. – Мне все-таки не 62, а 42 года всего. Я вообще-то другие песни люблю.

– Да не о песнях речь, мама! – недовольно заметила дочь. – Ты пойми, насколько сложно мне будет выполнить это задание. Но если получится... Ах... я буду работать в самом крутом издательства мира! Ну... Одним из.

– А что сложного? Поезжай к этому Бриллианту, расскажи, что ты одна из лучших фотографов Москвы, хочешь сделать с ним фотосессию, и куда он денется, – заметила мать.

– Думаешь, это так просто? Бриллиант год назад всё бросил и уехал жить под Ледогорск. Это далеко, почти за Полярным кругом. Где-то около Архангельска, кажется, я точно не знаю. купил там большой участок земли, построил дом и стал жить. Ото всего отказался. От кон-

цетов, даже от общения с людьми. Стал затворником, и никто не знает, почему. Говорили, что стал пить. Стал наркоманом, потому что его бросила любимая девушка. Но она дала уже десяток интервью, где говорила, что между ними всё было хорошо, и музыкант неожиданно сам взял и уехал, ничего никому не сказал.

– И что, никакие папарацци не пробовали добаться до него?

– Ещё как! Десятки! Но, во-первых, туда сложно добраться: тайга, горы, снег кругом, а летом – мошкара. Да ещё дорогу толком никто не знает. Так, примерно. Пытались с дронов снимать, но тоже не вышло: никто не видел этот дом. А тайга, ты сама знаешь, она необъятная, – пояснила Даша.

– Ты-то как собралась туда попасть? – спросила мать.

– Сначала до Ледогорска на машине, а там пешком.

– Точно тебе к психологу нужно, солнышко, – прозвучало ироничное в ответ. – Ты ж городская. В трёх соснах заплутаешь. А там девственный лес! Это тебе не лесопосадки в Подмосковье.

– Мама, я знаю. Но ты меня не отговоришь. Я хочу и сделаю. Мне нужна эта работа, понимаешь? Больше всего на свете, – твердо сказала Даша. Понимая, что отговаривать бесполезно, мать лишь покачала головой. Потом помогла укладывать вещи. Теперь они, заледеневшие, лежали в чемодане, а тот – в багажнике ярко-жёлтой Nissan Micra, которая грустно тащилась за «Волгой» под управлением Даши.

Снегопад не унимался. Дорогу в нескольких местах уже замело, пришлось осторожно объезжать заносы, чтобы не застрять. Но «Волга» – машина мощная, потому даже перебираясь через снег, уверенно тащила за собой чудо японского автопрома. Оно явно не было предназначено для здешних мест. «И чем я только думала!» – ругалась на себя Даша, уверенно держа большой тонкий руль. Её-то был маленький, плотный, хватистый. А этот напоминал штурвал на речном катере. Здоровенный такой, черный и неудобный.

Их маленькая колонна, со стороны едва заметная под порывами наполненного снегом ледяного ветра, продолжала упрямо двигаться на север. Через примерно два с половиной часа впереди показались огоньки, и Даша облегченно выдохнула: наконец-то цивилизация! И это правда оказалось придорожное кафе. Маленькое, полузанесенное снегом. Рядом выстроились четыре огромные фуры.

«Ну, попадётся мне тот, кто меня чуть не сбил!» – мстительно подумала Даша. Но тут же оставила эту мысль: она не помнила, как выглядела та машина. В темноте все кошки серы, а в буран – все фуры на одну морду. Белую. Остановила «Волгу», сзади также замерла Micra. Девушка вышла из салона, заглушив двигатель. Подошел старик. Она отдала ему ключи.

– Пошли, милая, погреемся, что ли, – сказал старик дрожащим голосом. – Задубел что-то я в твоей консервной баночке.

Они похрустели по снегу.

В кафе под названием «У Марины» было жарко натоплено. Из четырех столиков свободны два. Половину заняли дальнобойщики. Сидели и пили пиво, с треском разламывая сушеную рыбу. Кажется, это была вобла. На вошедших они бросили любопытные взгляды. Даша ощутила, как по ней пробежал, оценивая, тестостерон. Остался доволен. Мужчины принялись что-то обсуждать, раздался хохот.

Старик, не обращая на этот интерес к своей спутнице никакого внимания, подошел к стойке. За ней возвышалась пышногрудая мадам с большим начёсом на голове лет примерно сорока. Даше она напомнила купчиху с картины Кустодиева – ту самую, с пухлым нежным телом и властным взглядом. На необъятной груди дамы висел бейджик с указанием её имени – Марина.

– Добрый вечер, – грудным голосом сказала она, оглядывая прибывших. На лице и фигуре Даши задержалась чуть дольше. Во взгляде проскользнула усмешка. Мол, птенчик ты ощипанный по сравнению с моими-то достоинствами!

– Да какой уж он добрый, – снимая мохнатую шапку, сказал старик. – Видишь, что снаружи-то творится? Чистое светопредставление! Налей-ка мне чайку погорячее. Ты кушать хочешь? – этот вопрос он адресовал к Даше.

– Очень, – призналась девушка.

– Ну, и сваргань нам чего-нибудь, пожалуйста, – попросил старик. Марина кивнула.

Старик с Дашей заняли столик.

– Ну что, путница, давай знакомиться, что ли? – улыбнулся спаситель девушки. – Меня отец Серафим зовут, я настоятель храма Рождества Христова в деревне Поземье, – старик расстегнул куртку, и под ней оказалась черная ряса с блеснувшим наперсным крестом.

– Ой... – сказала Даша. – Неожиданно.

– Что, прежде не приходилось со священниками общаться? – усмехнулся в бороду Серафим.

– Нет. И я думала, вы старенький.

– Ну, милая. Мне всего 55 годков, до старости есть ещё время, – улыбнулся собеседник.

– А меня зовут Даша.

– Даша?

– Да, Дарья если полностью. Мама придумала. Прочитала в какой-то книжке, вот и результат.

– Что ж, красивое имя. Знаешь, что означает? Молодая, юная, новая, свежая. Погляжу, всё как про тебя.

– Спасибо, – смутилась девушка.

– Какими ты судьбами в наших краях очутилась, чудо московское?

– А откуда вы узнали, что я из Москвы?

– Видать, мозг у тебя тоже промёрз маленько, – хмыкнул священник. – По номерам на машине, как же ещё-то?

– А, ну да, – улыбнулась Даша. Она уже согрелась почти, тем более что в «Волге» ехать было куда комфортнее, чем Серафиму в промёрзшей «японке». – У меня тут дело одно есть. Очень важное. Хочу найти одного человека.

– Ну-ка, ну-ка? – с интересом сказа священник. В этот момент Марина принесла две большие чашки горячего чая. Поставила перед посетителями, демонстративно наклонившись, чтобы тем было как можно лучше видно её внушительное декольте. Но Серафим даже глазом не повел в её сторону, а она, увидев его рясу и крест, поспешно поднялась и удалилась, смутившись.

«Попа захотела поразить своими прелестями! Ха-ха» – поёрничала мысленно Даша.

– Да живет тут в этих краях, точнее неподалеку от Ледогорска, один интересный человек, – начала девушка свой рассказ.

Глава 3

Но тут Даша вдруг, словно под её пятой точкой распрямилась мощная пружина, подскочила со стула. Да так, что не только священник, но и дальнобойщики, и пышная Марина резко перевели на неё удивлённые взгляды. Глаза у девушки были широко распахнуты, она прошептала: «Вот какая же я дура!» и выскочила из кафе. Как была, в тонкой конфеточке, под которой у неё ничего, кроме лифчика, и не было. И ладно, если б термобельё какое! Но она ведь отказалась утепляться, – «молодёжью, мама, нынче такое не носят!»

Мороз мгновенно обхватил тонкую фигурку и принялся нещадно колоть острыми иголочками, а снег принялся превращать её в сугроб. Даша только успевала перебирать ногами по глубоким заносам, чтобы добраться до своей машины. Там, открыв багажник, вытащила небольшую прямоугольную сумку и поскорее обратно, в тепло, пока не начала стучать зубами от холода. К счастью, успела.

Вернулась, ворвавшись в помещение вместе с облаком холодного воздуха, отряхнулась, снова села за столик. Сумку поставила рядом на сиденье. «Хороший мой, прости меня, дуру», – прошептала, ласково погладив черную ткань.

– Что у тебя там? Зверёк какой? – участливо спросил священник.

– Фотоаппарат, – с гордостью ответила Даша. – Мой любимчик, Canon 5D. И ещё объективы, вспышка, аккумуляторы, зарядное устройство, несколько флэшек. Всё, как полагается. Мой сокровище. Едва не забыла там, представляете? Мозга нет, считай калека.

– Забавная ты, – усмехнулся в бороду отец Серафим. – Я уж подумал, кошка или собака. Хотя будь они там, то на таком морозе всё, почитай отдали Богу душу.

– Разве у животных она есть?

– А как же, – уверенно сказал священник. – Она у всего, что рождается, растёт и умирает, есть. Только эти создания говорить не могу на человеческом языке. Потому чаще всего об их уходе и не знает никто. Вот был у меня кот. Барсик. Большой, сибирский, красавец. Так когда старый стал, пропал. Уж искал я его, да толку? А лет через пару полз на чердак, а там он. Лежит, в клубочек свернулся. Вот, понимаешь, ушёл. Чтобы не расстраивать никого. Так ты чего приехала-то в наше захолустье?

– У вас тут живет человек один. Очень интересный. Из Москвы приехал...

– Эй, милая, как насчет выпить с нами? – раздался грубый хмельной голос. Даша посмотрела в сторону – позади священника возвышался здоровенный, метра под два ростом дальнобойщик. Небритый, мягое лицо, а глаза похотливые и злые. – Скучно, поди, с этим старым хреном, а мы – все как есть молодые, – он повернулся к своим, те заржали застоявшимися в стойле конями.

Даша не нашлась, что ответить. Всегда робела перед такими людьми. Как человек искусства, обходила их стороной. А если хотела сфотографировать, то использовала длиннофокусные объективы. Там мощное увеличение, можно не приближаться. Так даже сделала свой цикл «Бомжи всея Москвы», который одно время заслужил немало хороших отзывов. От обычных людей. А уж чиновники и прочие чистоплюи его критиковали, конечно. Мол, опозорила столицу, как не стыдно!

– Мил человек, дай нам отдохнуть с дороги в тишине и покое, пожалуйста, – сказал отец Серафим, не оборачиваясь.

– А ты кто такой, чтоб мне указывать? – распространяя вокруг себя запахи перегара, пота и машинного масла, нагло спросил дальнобой. – Ты ей кто? Дедушка Мороз? Она твоя Снегурочка, что ли?

– Нет, мы вместе путешествуем.

– Слыхали, мужики? – опять вопрос к остальным. – Кто девушку катает, тот её и танцует!

Снова заливистое пьяное ржание. Даша перевела взгляд на отца Серафима. Его лицо было совершенно спокойным. На владелицу Марину. Та ухмылялась половинкой пухлого рта. Ей, кажется, происходящее представлялось забавным.

– Ладно, вставай давай, нам скучно без женского общества, – потребовал мужчина.

– Сын мой, прошу тебя Христом Богом, окстись, – сказал священник, разворачиваясь.

– Какой я тебе сын, хрен моржовый, – насутился дальнбой. И, увидев крест и сутану, воскликнул. – О, мужики, зацените! Это ж поп!

Те устали с интересом.

– Ты чего тут забыл, преподобный? – издевательски спросил мужчина.

– Меня так называть нельзя, – ответил отец Серафим. – Преподобный – это монах или монашествующее лицо, достигшее святости. Образец для подражания своей братии. А я – иеромонах, скромный слуга Господа.

– Да мне по хрену, монах ты или кто там, – резко ответил дальнбойщик. – Девочка пойдет с нами, посидит, выпьет, а там решим, с кем ей сегодня греться ночью.

– Никуда она не пойдет, – столь же невозмутимо ответил отец Серафим. – Ей и здесь хорошо.

– Слышь, старый хрен, ты ничего не попутал?! – взревел мужчина, протопал к священнику и сгрёб его одежду на груди огромным волосатым кулаком. Притянул к себе и, брызжа слюной, злобно проговорил прямо в лицо. – Да я тебя сейчас по стенке размажу и на мороз выкину!

– Последний раз прошу, уймись, не доводи до греха, – не теряя самообладания сказал священник.

«С ума он сошёл, этот батюшка, ну точно», – подумала Даша.

– Да я тебя...

В следующую секунду произошло нечто фантастическое. Огромный дальнбой взмыл в воздух, словно пушинка. И потом, нелепо барахтаясь в воздухе руками и ногами, совершил полет прямо к своим друзьям-приятелям, рухнув на пол в метре от них. При этом он умудрился не задеть мебель, а целиком своей крупной тушей повалился остальным под ноги. Да и замер там недвижим.

Остальные, в том числе Даша и Марина, только глазами хлопали на это чудо, не понимая, как такое случилось, что мужик весом килограммов под 130 совершил в воздухе сальто, нарушив законы гравитации. Какая такая волшебная сила его подбросила и швырнула куда подальше? Отец Серафим между тем, совершив над собой крестное знамение, спокойно вернулся за столик и отпил из чашки.

Ни слова не сказал.

Даша перевела на него очумелые глаза.

– Что это сейчас было, батюшка?

– А что такое, дочь моя? – удивлённо спросил священник.

– Это вы его... так?

– Кто, я? Ну что ты. На всё воля Божья. Ты кушай, кушай, нам скоро снова в путь-дороженьку. Не могу я тут долго прохлаждаться. Меня там хозяйство моё дожидается. Птицы, свинки, кот Барсик.

– Как Барсик? Вы же сказали, он помер?

– Так у меня всякий кот, который живет, Барсик. Это я чтоб в именах не путаться, их так зову, – улыбнулся отец Серафим.

– Слышь, ты! – послышалось от столика с дальнбойщиками. Те пришли в себя от потрясения и теперь, дружно поднявшись, двинулись к Даше и священнику. Девушка замерла от страха. Её спутник продолжил пить чай. Гроза надвигалась. Она аккуратно обошла лежащего

на полу. Ему даже первую помощь никто оказывать не попытался. Просто переступили и дальше пошли.

– Слышь! – опять резкий голос.

– Это вы мне, сынки? – спросил Серафим, отвлекшись наконец от чая.

– Тебе. Ты зачем друга нашего покалечил, муфлон? Не посмотрим, что поп. Сейчас отмудохаем, мало не покажется, – прозвучали вопрос с угрозой.

– Сынки, прошу вас. Не нагнетайте. Вы же сами видели. Он первый начал. Я только защищался, не больше. Будь я один, так действовал бы по заповеди. Ибо сказано в Священном Писании: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Но тут невинная девушка, а ваш друг хотел с ней дурное сотворить. Разве так можно?

– Да пошёл ты! – и к лицу священника от дальнобоев полетел большой кулак.

Что дальше началось, Даша опять толком не поняла. Она от страха зажмурила глаза, а Марина тонко завизжала. Послышались топот, грохот, возня, мужские сдавленные вскрики, и потом, минуты через полторы, все неожиданно затихло. Владелица перестала вопить. Даша осторожно открыла веки. Отец Серафим, как ни в чем ни бывало, сидел за столиком напротив и жевал бутерброд, спокойно глядя куда-то на потолок. А вот позади него простиралось побоище. Дальнобой валялись в разных позах, слабо шевелясь и изредка постанывая.

– Марина, будьте любезны, принесите нам ещё чайку, да погорячее! – попросил священник.

– Д-д-да, я сей... ик! Сейчас... – ответила хозяйка заведения и принялась суетиться. Чашки она наполнила мигом и принесла, к ним добавила мисочку с овсяным печеньем.

– Вот славно, – заметил спутник Даши. Сама она опять хлопала глазами, не понимая, что снова случилось.

– Это вы их, батюшка, да? Но как?!

– Добро должно быть с кулаками, милая, – по-стариковски улыбнулся в бороду священнослужитель.

– Господи, – выдохнула облечено фотограф. – Я думала, они нас бить будут. То есть вас, а уж меня... Как же страшно было!

– Не поминай имени Господа всуе, – назидательно ответил отец Серафим. – Так что ты там рассказывала о цели своего путешествия?

– Батюшка, признавайтесь, вы – Супермен? – спросила Даша на полном серьёзе.

Священник, не успев поднять чашку, расхохотался приятным густым баритоном. Потом унял эмоции.

– Ну что ты, Дарья, Господь с тобою! Какой же я Супермен? Обычный иеромонах.

– Ага, обычный. А сами вон что натворили, – Даша кивнула в сторону дальнобойщиков, которые стали понемногу приходить в себя. Вставали, поправляли одежду и возвращались за столик. Поднялся и тот, который пострадал первым.

– На всё воля Божья, – туманно ответил священник и с удовольствием принялся хрумкать печеньем.

Опять позади послышались шаги. На этот раз осторожные.

– Прошу прощения, – это один из дальнобойщиков. – Батюшка, простите, что побеспокоили. Не признали.

– Эх, вы, – горестно ответил отец Серафим. – Вот всегда вы так. Пока силу не почувствуете, норовите обидеть. Грех это!

– Просим прощения. И у вас тоже, – это мужчина обратился к Даше. Она демонстративно отвернулась. Прощать никого не собиралась. Испугали её до жути.

Дальнобойщик развернулся и ушёл.

– Что ж, пора нам с тобой дальше ехать, – сказал отец Серафим. Положил на столик тысячу рублей.

- Я оплачу! – поспешила Даша.
- Ничего, потом как-нибудь, – улыбнулся священник. Потом повернулся к Марине, поблагодарил. Утихомиранных мужчин оставил без внимания. Не заслужили добрых слов.
- Дальше мы куда? – спросила Даша.
- Ты же хотела в Ледогорск. Или уже передумала?
- Нет, конечно. А мы доедем?
- С Божьей помощью обязательно, – ответил священник. Раскрыл дверь и шагнул в буран. Ох, как не хотелось Даше выходить! Но надо, что поделать. И она поспешила за священником.

Глава 4

«У меня ведь было всё», – думал бывший музыкант, глядя в окно на падающий снег. Тот не кружился и не падал, как в старой песне. Сыпался с равнодушного серого и очень низкого неба, закрывая всё вокруг белой пушистой пеленой. Это означало: пока не закончится снегопад, из дома выходить даже не думай. Места здесь суровые. Заблудишься, и всё. Никогда не найдут. Разберут тебя дикие звери на косточки. Тряпочки только останутся.

«У меня были женщины. Много. Разные. От глупеньких поклонниц, совсем молоденьких, едва достигших совершеннолетия, до умудрённых опытом дамочек. А у вторых – платиновые карты Visa, бриллиантовые кольца и мужья с огромными связями. У меня было всё. Я был кумиром, а теперь кто? Эх...» – бывший музыкант, известный всей стране и ближнему Зарубежью под псевдонимом Бриллиант, а по паспорту Святослав Южный, теперь сидел у маленького окна. Ему было неизменно скучно, а что поделать? Сам во всём виноват. Память упрямо возвращала его в тот самый день.

В ту субботу концертов не было. Вернее, изначально планировалось целых три. В разных клубах Москвы. Но буквально накануне мэр издал указ, и все развлекательные учреждения из-за пандемии коронавируса позакрывали. Организаторы позвонили менеджеру музыканта и сообщили об этом, принеся кучу извинений.

– Да на хера мне их извинения?! – психанул Бриллиант. – Я столько бабок на этом потеряю!

Он схватил первое, что под руку попало, – новенький ноутбук MacBook Pro и запустил им об стенку. Красивая и очень дорогая игрушка, врезавшись в твердое, развалилась на части и приказала долго жить.

– Ну зачем же ты так, Славик? – спросил ласковым голосом менеджер.

Только ему одному было позволено так называть музыканта. Хотя и у самого тоже было прозвище – Бутик, потому что обожал шлаться по ним и скупать шмотки. Причем вкуса не имел, а любил что поярче. Вот и теперь выглядел, как попугай – весь разноцветный, сверкающий стразами и блестками. Но несмотря на женственные манеры, геем не был. Даже наоборот – в узких кругах считался большим поклонником женской красоты. Правда, с уточнением – категории «50+». Моложе его не интересовали по одной простой причине: редко имели много денег. А Бутик, он же Аристарх Селёдкин (только очень узкий круг знал о такой смешной его фамилии) считал себя к тому же успешным бизнесменом. Ну да, если не думать, что свои первые миллионы, естественно в рублях, он «заработал», встречаясь с одной овдовевшей недавно прокуроршей.

– Не твоё собачье дело, – резко ответил Слава. – Тебе что, ноут жалко? На, – он вытащил из кармана пачку евро и швырнул в менеджера. – Купи новый.

– Так он же был твой, Славик, – ответил тот.

– Наплевать. Какой день испортили, козлы! – музыкант бахнул кулаком по столу. – А! Да пошло оно всё! – подошел к бару, достал бутылку виски и стакан. – Будешь? – предложил менеджеру. Тот помотал головой. – Ну, как хочешь.

Налил себе и, не разбавляя тоником или льдом, выпил. Поморщился. Налил ещё один. Снова опустошил. Затем брякнулся в своё большое кожаное кресло, принялся в нем крутиться. И пока это делал, достал из нагрудного кармана куртки папиросу без фильма и опознавательных знаков. Прикурил от золотой, инкрустированной стразами от Swarovski стразами, глубоко затянулся и задержал дыхание.

– Славик, пожалей свой организм, – слабо возразил менеджер.

– Да пошёл ты, – вяло ответил музыкант. Затем шумно выдохнул. Налил ещё из бутылки. И опять затянулся.

Бутик с грустью смотрел, как его единственный и потому самый лучший на свете клиент губит себя. А ведь талант! Его последняя композиция, «Клыкастая ассимиляция», до сих пор рвёт топы в чартах! Не на центральных телеканалах, конечно. Туда таким, как Слава, дорога заказана. Да и YouTube и даже TikTok стараются иногда подгадить музыканту, блокируя его ролики «за чрезмерную откровенность». Но хотя эти площадки нынче в тренде, менеджер находит другие варианты. Потому Бриллиант, весь такой неоднозначный, яркий, взбалмошный, матерщинник и скандалист, все равно желанный гость на разных передачах, что выходят на кабельных телеканалах. А интервью и просьбы записать вместе видео? Да их вообще не счесть. График до того, как мэр московский придумал всё запретить, был просто безумный. И вот всё в одночасье рухнуло. Музыкант с самого обеда принялся пить. Значит, всё. Пиши пропало, дальше только новые скандалы.

Так и вышло. Допив бутылку, музыкант и её швырнул туда же, вслед за MacBook Pro. Расхохотался, глядя, как его менеджер прикрыл голову руками, боясь оказаться под градом осколков.

– Не бзди, я меткий! – хохотнул музыкант, встал и, покачиваясь, сграбастал со стола ключи от машины.

Увидев это, Бутик, набравшись смелости, перегородил ему дорогу.

– Славик, солнышко, тебе не надо сейчас за руль. Я тебя очень прошу. Давай вызовем водителя.

– Пошёл ты... – и дальше Слава произнес такое, длинное и оскорбительное, от чего любой другой бы на месте менеджера смертельно обиделся, дал ему в морду и уволился.

Но Бутик только жалобно улыбнулся. Он привык к выходкам своего подопечного. Ещё бы! Он звезда, на него в Instagram только пять миллионов человек подписаны, а ещё остальные соцсети... Там вообще... А он, Григорий, кто? Хорошо, конечно, встречаться с дамами за 50 ради финансового благополучия. Но ведь это ненадолго. Ему самому скоро 28, а значит там уже он потеряет свою харизму, и леди переключатся на кого-то помоложе. Потому он так яростно цеплялся за дружбу (так её называл) и контракт с музыкантом.

Слава вышел из своего офиса, расположенного в деловом комплексе «Империя», что в Москва-сити. На парковке снаружи его уже ожидало недавнее приобретение – ярко-алого цвета Ferrari Daytona SP3, умеющий разгоняться до 340 км/ч, с движком мощностью 840 «лошадок». Цена тоже внушительная – около двух миллионов евро, а на рубли вообще если перевести, то 167 миллионов получится. Да кто их считал, эти бабки-то? За один корпоратив Слава просил порядка пяти миллионов, а если их было по три в день, то «пятнашка лямов в сутки – это норм», как говаривал музыкант.

Он сел в машину, нажал кнопку. Мощный двигатель глухо заурчал, словно голодная рысь. И, не дав ему прогреться, музыкант втопил педаль газа в пол. Ferrari Daytona, прокрутив покрывками по асфальту и выбивая едкий резиновый дым, рванула в сторону центра. Сколько там было штрафов у него за нарушение ПДД? Слава не знал, да ему было и глубоко наплевать. За такими вещами должен был менеджер следить. А он – звезда! Ему главное – творчество и свобода! Потому алая машина неслась по столичным проспектам и улицам, распуская пешеходов и заставляя соседние авто прижиматься друг к другу. Никому не хотелось задеть эксклюзив на колесах.

На Кутузовском проспекте, не дав разогнаться до 150 км/ч, Ferrari Daytona был остановлен гаишником. Тот, невзирая на крутость заторможенной им тачки, подошел, вскинул руку к козырьку фуражки. Слава опустил стекло. Не слушая, что там говорит полицейский с капитанскими погонами, сказал громко, чуть убавив в салоне грохот музыки – гремел басами его любимый Snoop Dogg, на творчество которого Слава едва ли не молился.

– Командир, я спешу, чего хочешь?

– Предъявите, пожалуйста, водительское удостоверение и документы на машину, – невозмутимо сказал капитан.

– Твою ж мать, – пробурчал музыкант. Он документы с собой не возил. Даже не знал, где они валяются. – Дома забыл!

– Попрошу вас выйти из машины.

– На хера?

– Вы нарушили скоростной режим, – сказал гаишник.

– Слушай, капитан. Давай договоримся по-быстрому и я поеду, Ок?

– Пожалуйста, предъявите... – нудно продолжил капитан.

– На! – Слава вытащил руку и запихнул полицейскому за отворот бушлата несколько пяти тысячных купюр. Затем втопил педаль в пол, и Ferrari Daytona понеслась дальше. Гаишник растерянно смотрел ей вслед. Но успел рукой прижать к себе красную бумажку, которую едва ветром не вытянуло. Бросаться в погоню, конечно, он не стал. Какой смысл? Себе дороже. Судя по тачке, в ней какая-то знаменитость. Где-то капитан уже видел этого типа с пирсингом и татуировками. Решил не связываться.

Слава между тем летел дальше. Snoor Dogg продолжал выговаривать свой текст, колонки гремели, заглушая все звуки вокруг. Промчавшись ещё несколько километров, музыкант решил, что просто так мотаться скучно. Душа требовала огненной воды! Потому он полетел в одно место – частный ночной клуб, куда пускали только своих. Это было недалеко, у метро Цветной бульвар. Туда Ferrari Daytona и помчалась.

Едва она, шипя покрышками, остановилась у неприметного здания, изнутри выбежал паренек в костюмчике. Помог музыканту выбраться, на лету поймал у него ключи от тачки, чтобы завести её на закрытую от посторонних глаз парковку. Слава прошел внутрь, где два дюжих охранника ему уважительно улыбнулись и даже покивали. Они-то помнили, какой бывает музыкант, когда сильно навеселе. Однажды каждому из них напихал столько евро по карманам, что можно было два месяца жить припеваючи и не работать.

Музыкант зашел внутрь, и его сразу окутала любимая обстановка: грохот музыки и проблески огней. Сразу подскочил менеджер, отвёл на лучшее место. Затем примчалась официантка, одетая так, что все её прелести просматривались безо всяких усилий. Слава помахал рукой: «Мне как всегда», и девушка тут же удалилась.

– О, какие люди! – это пожаловал владелец заведения, одетый в шикарный жёлтый кожаный костюм и такие же туфли Ник Паронов по прозвищу «Труба». Он когда-то учился в консерватории, играл на этом инструменте. Но, кажется, диплома так и не получил.

– Привет! – радостно ответил Слава. – Ну, какая сегодня программа? Чем развлекать будешь?

– Специально для тебя, дружище! Парочка свеженьких музыкантов, всё как ты любишь. Ну, а на сладкое – девочки, конечно. И бухло. Всё для тебя, дорогой! Отдыхай, развлекайся.

– Спасибо, а девочек пришли прямо сейчас. И скажи, чтобы эти твои новенькие начинали. Мне скучно! – ответил музыкант.

В этом клубе он мнил себя кем-то вроде «наставника творческой молодежи». Хотя и сам стар не был – всего-то недавно 24 года стукнуло. Но те, кто пытался начинать карьеру в шоу-бизнесе, а им было лет по 18-20, считали его признанным авторитетом. Труба приглашал выступать в свой клуб таких дебютантов на радость Славе. Тот слушал их, иногда даже записывал с кем-нибудь потом дуэт, а чаще просто воровал свежие идеи. Память у него, несмотря на выпивку и остальное, была хорошая.

Глава 5

Слава отвлекся от воспоминаний. Близилась северная ночь, она в этих широтах наступает слишком рано. Он тут чуть больше полутора лет, это его вторая зима. Всё не привыкнет к тому, как рано начинает темнеть. В шесть часов уже, считай, ночь. Хотя какое там! Раньше времени не замечал. Ни месяцев, ни дней недели, ни даже часов. Хотя на руке и носил то Patek Philippe Perpetual Calendar 3974 в корпусе из 18-каратного белого золота, то Grande Date Aqua Lung от Blancpain.

Также в его квартире небрежно валялись где-то Lange & Sohne Tourbograph Perpetual Pour le Merite, которых выпустили всего 150 штук. А однажды он в порыве страсти подарил одной смазливой девчонке, которая классно исполнила его композицию, дорожные Mark XVIII из коллекции Pilot's Watches от IWC.

Но самое смешное было в том, что музыкант не умел определять время по стрелкам. Совсем. Не научили. Да и некому было. Он рос, считай, беспризорником. Родители вечно на работе, а он сам по себе. Дедушки и бабушки некоторые умерли, другие жили далеко. Потому часы всегда были для Славы чем-то вроде пафосной игрушки. Показателем его статуса крутого чела, способного купить себе подобную дребедень.

Теперь вот пришлось учиться понимать, что обозначает положение стрелок на циферблате. Часы, которые висели на стене, размеренно тикали, покачивая маятником. Внутри была надпись «Маяк». Старые, их требовалось заводить специальным ключом раз в шесть дней. Сначала открыть крышку, затем держать механизм, чтобы не болтался. После восемь оборотов, готово. Так. Значит, теперь большая стрелка показывает на шесть, маленькая между цифрами восемь и девять. «Сколько ж будет? – задумался Слава. – Половина девятого, кажется».

Задумался, и память услужливо опять унесла его в ту судьбоносную ночь.

Сколько он выпил? Не помнил. Бутылки сменялись одна за другой, как и дорожки на зеркальце. Рядом хихикали, поглаживая музыканта, какие-то две полногрудые девицы в обтягивающих маечках и коротких, по самые стринги, юбочках. Растягивали толстые нафиллерованные губы и пошло строили глаза с огромными наращёнными ресницами. Одна пепельная блондинка, вторая черная брюнетка. Как их зовут, Слава не помнил. Он уже был сильно пьян, так что едва соображал, кто такой и где находится. Музыка гремела, клуб кружился, вокруг дрыгались какие-то разноцветные черти, одетые в разноцветное тряпье.

Этот шум и сверканье лазера по глазам надоели Славе. Он захотел развеяться. Захлебнуться холодным и мокрым воздухом московских улиц. Что его приводит в чувство всегда? Скорость. Яростная, неукротимая. Зря, что ли, новая тачка куплена за бешенные бабки? Музыкант встал, опрокинув фужер. Содержимое выплеснулось. Тёлки сначала взвизгнули, а потом разочарованно захныкали: столько добра пропало!

– А! По херу! – махнул рукой Слава. – Поехали, девчонки, кататься! Я приглашаю!

И, не ожидая, пойдут или нет, направился к выходу. Охрана, пристально наблюдавшая за поведением безбашенного музыканта, поспешила развести в стороны других посетителей, чтобы музыкант не нарвался на кого-нибудь. Он как-то плечом задел какую-то девушку, и хотя сам был виноват, так ей врезал, что та отлетела на пару метров. Чего потом стоило замять скандал. Пришлось оплатить услуги стоматолога и установку трех имплантов – Слава ей зубы выбил. С тех пор его без внимания не оставляли.

Едва он вышел на улицу, как к крыльцу подали его алую Ferrari Daytona.

– О, моя лошадка! – пьяно осклабился музыкант и забрался в салон.

– Ведите осторожно, пожалуйста, – сказал сотрудник клуба, видя, что клиент в почти невменяемом состоянии: глаза в разные стороны, под носом след от порошка, губы перекошены, взгляд сфокусировать не может и на ногах едва держится.

– Эй, где мои тёлки?! – прокричал Слава, обернувшись на выход. Но девицы предусмотрительно за ним не последовали. Музыкант грязно выругался, закрыл дверь и рванул прочь от клуба, ревя мощным двигателем и вышибая резиновый дым по асфальту. Охранники с сожалением и завистью посмотрели ему вслед.

Ferrari Daytona неслась сквозь московскую ночь. Пронеслась по Большому каменному мосту, затем по Боровицкой площади, и там Слава решил свернуть направо, на Моховую. В голову взбрело похулиганить. Он терпеть не мог депутатов любых мастей, вот и надумал пронестись мимо Госдумы и показать неприличный жест из среднего пальца. Машина, с трудом вписавшись в поворот, из-за чего встречные постарались отодвинуться в плотном потоке, влетела на Моховую.

Что Слава вытворял! Он обгонял, резко тормозил, проскакивал на красный свет, чудом увернулся от внедорожника на перекрестке с Тверской, а потом выпрыгнул на Охотный ряд. Когда проносился мимо здания Госдумы, открыл окно, высунулся из него на полкорпуса и заорал:

– Депутаты – козлы!!!

То, что случилось дальше, в новостях рассказывали со страшными подробностями. «Автомобиль Ferrari Daytona, управляемый 24-летним музыкантом Святославом Южным, известным под псевдонимом Бриллиант, вылетел с полосы движения и врезался в обстановку общественного транспорта. В результате аварии погибла девушка 18-ти лет. Ведется расследование обстоятельств произошедшего».

Когда Слава пришел в себя в больнице, рядом стоял Бутик и смотрел на него с таким выражением, словно его любимый и единственный клиент уже умер. И это не больничная палата в элитной клинике на окраине столицы, куда его привезли подальше от вездесущих папарацци и блогеров, а морг.

– Как башка трещит, – сказал Слава, морщась. – Есть чего выпить?

– Какое выпить, Славик, – горестно заметил менеджер. – Тебе нельзя. Сотрясение мозга. Как ты жив ещё остался, чудо!

– А что случилось-то? Помню, я этих депутатов послал, а дальше как отрезало.

Бутик глубоко и грустно вздохнул.

– Милый мой, ты такое натворил... Господи, за что мне всё это? – он воздел очи к потолку.

– Да говори ты уже, не тяни кота!..

– Ты человека убил, Славик. Не помнишь?

Несмотря на сильную головную боль и ломоту во всем теле, музыкант уселся на койке.

– Ты чё, млять, разыгрывать меня вздумал? – спросил злобно. – Кого я там убил, я за рулем был!

– Вот именно, Славик. Что за рулем. А я говорил: возьми водителя.

– Да чего случилось то?! – рявкнул музыкант, и острая боль пронзила мозг, даже зажмуриться пришлось.

– Ты возле Госдумы в аварию попал. Машину на мокром асфальте занесло, и ты врезался в остановку. Там была девушка 18-ти лет, студентка. Она погибла на месте. Тачка твоя в хлам.

– Твою ж мать... – ошарашенно проговорил Слава. – Это... ну... надо там денег дать её родным. Чтоб похоронили. Моральная компенсация. Займись. И ментам взятку надавай, пусть замнут. Мол, тачка неисправна была, а у меня сердечный приступ. Сам знаешь!

– Я пробовал, Славик, видит Бог, – расстроенно сказал Бутик.

– И чего?

– Та девушка оказалась единственной дочерью заместителя председателя Госдумы. Сидела на остановке, читала электронную книжку и ждала отца с работы. У того совещание было, задержался. Ну вот... представляешь?

Слава побледнел. До него вдруг явственно дошло, что он натворил, хотя в голове шумело по-прежнему и пульсировало, отдаваясь болью.

– И никак нельзя... Договориться там? А? – с надеждой поднял он глаза на менеджера.

Тот отрицательно помотал головой с короткой толстой шеей, на которой поблёскивала массивная золотая цепь. Бутик терпеть её не мог, но он ведь менеджер самого Бриллианта, по-другому выглядеть нельзя. Тут король играет своё окружение.

– Всё, что я смог, это нанял самого дорогого адвоката. Но даже он ничего сделать не сможет. Папаша той девушки очень расстроился. Единственная дочь была. Так что прости, Славик, но против тебя теперь даже те, кто раньше был готов ради твоего автографа на любой безумный поступок. Хейтеры ликуют и беснуются, как бесы. Помнишь пьяного актера, который врезался, и там ещё водитель погиб?

Слава молча кивнул.

– То же самое. Редкие голоса в поддержку, но не больше.

Музыкант снова отвлёкся от воспоминаний. Сатурн утробно проурчал рядом. Это здоровенный, пушистый сибирский кот. Его Слава летом нашел, когда однажды по окрестностям прогуливался. Непонятно, как кошка сюда, в лес забралась. Родила, да и погибла вместе с котятами. Один только остался. Тощий, весь в блохах и грязи. Он был такой слабый, что даже мяукать не мог. Только хрипел что-то едва слышно.

Слава приволок малыша домой, отмыл, завернул в полотенце. Раздербанил аптечку. Достал шприц, стал молоком выхаживать котёнка. На следующий день даже к местному ветеринару его носил за пазухой. Тот осмотрел животинку. Сказал: «Не выживет». Слава махнул рукой и продолжил выхаживать кошачьего малыша. А у того и впрямь девять жизней оказалось. Вытянул. Теперь стал лучшим и единственным другом музыканта.

Подошел, трётся об ногу, мурчит. Словно рассказать чего хочет.

Слава наклонился, погладил кота. Тот доверчиво потёрся усатой мордочкой об ладонь. «Нос мокрый и холодный, здоров значит», – машинально подумал музыкант. Поднялся. Пора ужинать, что ли. Только сначала дровишек подкинуть в печь. На улице, кажется, вьюга начинается.

Глава 6

Закончив с домашними делами, когда дрова в печи снова весело потрескивали, шипя душистой смолой (Слава не ожидал, приехав сюда, что ему этот запах очень понравится и станет одним из самых любимых, скрашивая серые дни), музыкант налил воды в электрический самовар, включил его. У него есть и дровяной, но остался в сарае. Не разжигать же его в доме, для него ведь специальный дымоход нужен. Он в печи есть, только Слава еще не разобрался, как соединить А и В.

Пока вода принялась шуметь, музыкант взял кота и положил на колени. Сатурн, разнежившись, принялся урчать, зажмурив большие желтые глаза. Гроза мышей и птиц, этот зверь теперь казался совершенно безобидным домашним котиком. Но стоило его выпустить наружу, как превращался в хищника с острым зрением и слухом. Слава сам видел, как Сатурн долго выслеживал какую-то пигалицу, а затем совершил прыжок метра на полтора. Правда, только лапой задел её по крылу – той удалось улететь.

Слушая кошачье мурчание и шумящий самовар, тиканье ходиков, музыкант снова погрузился в воспоминания.

Нанятый Бутиком адвокат и впрямь оказался очень пронырливым и с большими связями. Он добился того, что музыканта прямо из больничной палаты не отвезли в следственный изолятор, а позволили остаться в клинике, а позже, когда тому полегче стало, – под домашним арестом. Поскольку делать дома без привычной сутолоки друзей и прихлебателей, постоянных телефонных звонков и переписки в сети было нечего, а о вдохновении и речь не шла, Слава принялся пить.

Каждый день, вставая с жуткой головной болью после предыдущей ночи, он опохмелялся. Дальше больше. Сначала рюмашка, потом вторая, и вот уже к вечеру он опять вдрабадан, и по квартире в элитном доме гремят басы его любимых исполнителей. Конечно, иностранных. Американских прежде всего. Слава принципиально русских не слушал, чтобы не стырить ненароком у какого-нибудь коллеги пару свежих музыкальных идей или текстов. Английский же музыкант практически не знал, а слушал, чтобы проникнуться атмосферой, заложенными в ритм и тембр эмоциями.

Адвокат приходил, задавал какие-то вопросы, подсовывал какие-то документы. Глядя на них мутным взглядом, Слава переводил его на Бутика. Мол, подписывать? Менеджер согласно кивал головой. Музыкант ставил закорючку, потом возвращался к пьянке. Одно его радовало: прежде приставучий менеджер теперь не умолял прекратить пить. Когда же Слава заливался по самые глаза, попросту уходил куда-то.

Расследование автокатастрофы, повлекшее гибель 18-летней студентки, завершилось через четыре месяца. За это время Слава почти окончательно спился. Он сильно похудел, потому что не закусывал почти. От него прежнего, с хорошо прокаченной фигурой, которую он любил выставлять в Instagram, раздеваясь до пояса или оставаясь в одних плавках (это особенно обожали его поклонники, оставляя под такими постами десятки тысяч лайков и возбужденно-радостных комментариев), остались только кожа да кости. Глаза провалились, под ними образовались темные круги.

Однажды глянув в зеркало, Слава шарахнулся в испуге: показалось, на него зомбак посмотрел. Зеркало сразу получило пепельницей в табло и рассыпалось.

Всё закончилось как-то внезапно. Приехали адвокат с Бутиком, и менеджер сказал:

– Твоё уголовное дело закрыто. Не спрашивай, как. Но тебе придётся на несколько лет уехать подальше.

– О, норм! – пьяно осклабился Слава. – Всегда хотел в Таиланд, там тёлки классные! Лишь бы на ледибоя, – он усмехнулся, – не нарваться!

– Простите, но выезд за границу вам запрещен, – сказал адвокат.

– С хера ли? – нахмурился музыкант.

– Таково решение суда, – невозмутимо ответил защитник. – Вы не можете покидать пределы Российской Федерации.

– Так мне условку впаляли, я не понял? – мотнул грязной головой музыкант.

– Нет, не условное наказание. Но вам нужно уехать. Как можно дальше. Туда, где вас никто не знает и не будут искать.

– Бутик, чё за фигня? – спросил музыкант у менеджера.

– Так нужно, Славик, ради твоего же блага, – ответил тот. – Вставай, нас внизу машина ждет. Твои вещи я привезу потом, теперь надо поскорее уезжать.

Музыкант сначала хотел возмутиться. Что за спешка такая? Если уголовное дело закрыто, то зачем сваливать? Но вместо этого опрокинул в рот бутылку коньяка, допил остатки, а посуду швырнул куда-то не глядя. Судя по звону осколков, разбилась.

Через полчаса машина несла их в аэропорт. По дороге музыкант вырубился, а когда очнулся, то сначала не понял, почему в уши словно ваты напихали и отчего всё гудит вокруг. Продрал глаза и понял: летит в самолёте. Глянул в иллюминатор – там ночь. Рядом сидел Бутик. Увидев, что музыкант проснулся, он позвал официантку и что-то ей нашептал. Та вскоре вернулась с подносом. Славе принесли пол-литра бурбона. Он радостно его ухватил и принялся выливать в себя содержимое, пока не отрубился.

В следующий раз он пришел в себя только здесь, в этом доме. И сначала, терзаемый жутким похмельем, не мог понять, как вообще тут очутился. А главное – что за место такое? Выглянул в окно – снег кругом, куда ни глянь, а за ним – черная стена леса. Обнаружил рядом бидон с водой. Выпил его и опять провалился в забытье.

Ему снился Бутик, который летал над головой, напоминая разноцветного попугая, лыбился фарфоровыми зубами, размахивал руками-крыльями и приговаривал: «Бриллиант дуррак! Он всё просррал!» и при этом мерзко хихикал.

Окончательно пробудившись через какое-то время, Слава опять удивлённо стал осматриваться. Лежал он на старой кровати с пружинами, которые поскрипывали под его истощавшим телом. Спинки были никелированные, с шариками наверху. Такую мебель он видел давным-давно в каком-то советском ещё фильме. Там на ней старушка лежала. Может, и тут тоже была такая?

Медленно поднялся. Допил остатки воды из бидона. Осмотрелся.

Вокруг него была комната. Довольно маленькая, по сравнению с его роскошной квартирой в пределах Садового кольца, с индивидуальным дизайном и мебелью ручной работы. Там каждый квадратный метр отдавал пафосом и огромными бабками в долларах и евро, потраченными на его обустройство. А тут?

Посередине оказалась какая-то коробка с дырой, закрытой железным полукругом. Рядом куски дерева. Ещё были простой деревянный стол, два табурета, окна закрывали простенькие тканевые занавесочки. На подоконнике здоровенный цветок в глиняном горшке. Слава смотрел и не понимал, что это всё значит. Ему показалось, он попал в какой-то музей. Сейчас войдет смотритель и выгонит его. Мол, что это, молодой человек, вы своим задом экспонат портите?

Но никого не было. В полной тишине только стучало что-то. Тик-так, тик-так. Слава оглянулся. Оказалось – это старинные часы в деревянной коробке с двумя окошками одно над другим. Первое круглое, за ним стрелки: большая на семь, маленькая между 12 и 1. Внизу квадратное, и там какая-то круглая блестящая штука на палочке болтается туда-сюда. Музыкант нахмурился, вспоминая, как называется. Маятник, кажется.

Он поднялся и, ощущая сильную слабость и голод, подошел к столу. На нем был смартфон и записка под ним: «Послушай». Включил, нажал.

– Привет, Славик, – послышался голос менеджера. Говорил он с большим сожалением. – Это теперь твой дом, тебе придется пожить здесь какое-то время. Мы с адвокатом постараемся тебя вернуть, когда станет возможно. Но пока лучше посиди там. Для твоего же блага. Хейтеры не унимаются, полощут твоё имя на разные лады. Чтобы спасти его, побудь немного затворником. Не скучай. Там холодильник с продуктами. В сумке деньги. Карточку не оставил, в тех краях их не используют. Целую, твой Я.С.»

Слава оглянулся. Ну, и где тут холодильник? Обошел квадратное строение посередине комнаты. Нашел ещё одну комнатку в дальнем углу. Совсем крошечную. Большую её часть занимали холодильник и стиральная машинка. Открыл первый. Посмотрел. Консервы, колбаса. Пошарился по полкам. Обнаружив бутылку пива, поспешил её раскрыть и хотел было залпом выпить, но остановился. Другой-то ведь нет. А где потом искать? Решил, что оставит на «сладкое».

Побродил ещё по дому. Нашел несколько запечатанных упаковок постельного белья, пару чемоданов со своей одеждой и, конечно, сумку, заполненную пачками купюр. Тут, правда, были только рубли. Слава прикинул: миллионов десять примерно. Усмехнулся. Он прежде столько за деньги бы не считал, а теперь... «Ну ладно, на счетах-то есть», – решил и успокоился.

Он был так ошарашен всем, что случилось, даже не злился. Хотя ещё пару недель назад, если Бутик только предложил такой переезд, схлопотал крепко. Нет, музыкант никогда на него с кулаками не бросался, даже под кайфом. Но материл сильно. Теперь тут даже прикрикнуть не на кого. Взял телефон, посмотрел: сеть не ловит. Поднял над головой, даже на табурет залез. Нет связи. Точка. «Ну, хоть свет есть», – и стоило так подумать, как он внезапно погас. Всё вокруг погрузилось в серые сумерки. Не будь снега за окном, стало бы, наверное, ещё темнее.

Слава расстроенно уселся на табурет и стал смотреть на природу за окном. Произошедшее с ним казалось какой-то фантастикой. Чей-то злой шуткой, розыгрышем. Ещё вчера его песни гремели из каждой блютуз-колонки, вызывая у старых пердунов приступы тошноты, а у молодых – возбуждение. Теперь этот дом со странной штукой посередине. И гробовая тишина.

«Может, я обдлобался в хламину, и мне всё это кажется? Это наркоманский бред, да?» – вдруг подумал Слава. Вскочил с табурета, опрокинув его. Бросился к двери, ведущей, кажется, наружу. Но там оказалась ещё холодная прихожая. Протопал по ней и, распахнув следующую дверь, сделал шаг. Поскользнулся и со всего маху полетел в сугроб.

Глава 7

То ли чудо, то ли правда есть Бог на свете, и это действительно он помог им добраться до Ледогорска, но факт остаётся фактом. Через несколько часов осторожной, а порой почти наощупь из-за снежного бурана, буквально по наитию езды по автомагистрали маленькая колонна из старенькой «Волги ГАЗ-31» и новенькой Nissan Micra прибыла в городок.

Стояла глубокая ночь, и снегопад, словно сам постепенно погружаясь в сон, вроде стал поменьше. По крайней мере, ветер больше не швырял в лобовое стекло снежинки густыми охапками, из-за чего несчастные «дворники» не успевали его разбрасывать. Но теперь стало полегче, поспокойнее. Даша остановила автомобиль священника возле какого-то круглосуточного магазина.

Сама не знала зачем. Подумала, что, может, батюшке захочется выпить после такого опасного рейда? Он ведь наверняка снова продрог в холодной иномарке. Так и вышло: едва отец Серафим с трудом выбрался из крошечной машины, как принялся приседать и прихлопывать себя руками. «Продрог до костей», – догадалась Даша и сказала ему участливо:

– Батюшка, вам бы теперь граммов двести водки.

Закончив вынужденную разминку, священник широко улыбнулся.

– Ты мне что предлагаешь, дочь моя? Острограммиться в Рождественский пост? Ай-я-я-яй, как нехорошо, – и ещё пальцем покачал.

– Так я ведь... чтобы согреться... – растерянно и почувствовав себя виноватой, ответила Даша, опустив глаза.

– Да знаю, знаю, – добродушно ответил священник. – Так, где это мы? Ага, улица Берёзовая. Вот и магазин. Только нам с тобой, милая, нужно в другую часть города. Там у меня живет знакомый, у него своя автомастерская в гараже.

– Так ведь ночь на дворе, – ответила Даша.

– Это ничего, – сказал отец Серафим. – Он бывший запойный алкоголик. Я помог ему вырваться из дьявольских когтей. Теперь по ночам бессонницей страдает, да и машины лечит. Как утро настаёт, идёт спать до вечера. Давай, поехали. Садись, – и священник объяснил, куда ехать. Тут и правда было недалеко: Ледогорск-то городишко маленький, всего тысяч двадцать человек проживает.

Они добрались до места. Обычная сельская улица. Деревянные и кирпичные дома под шиферными или современными металлическими крышами. Собаки облаяли было маленькую колонну, но когда отец Серафим вышел, дружно замолчали, признав своего. «По запаху, что ли?», – подумала Даша.

Священник сказал ей подождать, а сам через калитку прошел к одноэтажному домику. Вскоре вернулся с плотным мужчиной лет сорока пяти. Тот был с покрасневшими глазами, одет в заляпанный масляными пятнами ватник, старые штаны и калоши. Пробормотал что-то в ответ на приветствие и помог священнику затолкать автомобиль Даши в каменный гараж, стоящий возле дома.

– Пойдем, чайку попьем, – сказал батюшка. – Заодно узнаешь кое-что интересное о своем интересном человеке, который из Москвы приехал.

«Надо же, не забыл, а?!» – опять удивилась Даша. Священник был ну просто кладезь с неожиданностями. То помог ей с машиной, рискуя в ней заledenеть. То разобрался с пьяными дальнотойщиками. Теперь вот снова руку помощи протягивает с ремонтом, да обещал что-то рассказать. «Чудеса, да и только!» – решила девушка и поспешила за отцом Серафимом.

Войдя в дом, они в холодных сенях отряхнули снег, сняли верхнюю одежду, зашли в дом. Здесь было очень тепло, жар исходил от протянутых по стенам толстых металлических труб – системы отопления, как догадалась фотограф. Она прежде такой не видела, у них в квартире

были трубы тоненькие, спрятанные в стенах, а ещё – система «теплый пол» и плоские батареи. Потому удивленно всё теперь осматривала.

Хозяин пригласил их на кухню, молча включил электрический чайник. Достал чашки, сушки и варенье. Поставил всё, кивнул священнику молча и пробасил: «Я работать». Ушёл.

– Ничего, он завсегда так, – заметил отец Серафим. – Если не станет с железками ковыряться, затоскует. Пить опять примется. Без работы ему никак нельзя.

Они, когда чайник закипел, помогли себе сами. Даше было интересно, надолго ли они в этом доме зависли. Но постеснялась. Священник же, поправив наперстный крест, будто снова прочитал мысли девушки:

– Он сейчас посмотрит, придёт и скажет, что да как, сколько по времени. Послушай, милая, а деньги-то есть у тебя?

– Да, конечно!

– Вот и хорошо. А то здесь многие пытаются с Ростиславом. Кстати, друга моего Ростислав зовут, ну или просто Ростя. Только ты его так не зови, пока не привык. Обидится. Да, о чем я? А! пытаются с ним водкой расплатиться. Но ему же нельзя, сама понимаешь. Вот всем в округе и говорю неустанно: алкоголь Ростиславу не приносить! Иначе останетесь без единственного автомастера на всю округу! Сами его погубите, придётся возить машины в областной центр. А это – далеко, на эвакуаторе сплошное разорение!

Священник, рассказав о своем подопечном, принялся с удовольствием поглощать чай одну чашку за другой. Из чего Даша сделала вывод, что батюшка большой любитель этого напитка. И сладёна к тому же: варенье с сухками уплетал за милую душу, несмотря на Рождественский пост.

– Не смотри на меня так, – усмехнулся священник. – Оно постное, можно мне. Так вот. Твой секретный человек, к которому ты приехала. Знаю о нем. Слышал. Музыкант бывший. К нам из столицы новости не сразу доходят. То есть у кого интернет, до тех мигом. Но ведь сначала понять надо, что было на самом-то деле. Мало ли, кто чего сказал или написал. Тут, на Севере, простой болтовне не слишком верят. В общем, прознали: поселился в этих краях некий человек. Зовут его Бриллиант, что ли.

– Бриллиант, – поправила Даша. – В переводе с английского «бриллиант».

– Поди ж ты, Бриллиант, – покачал головой священник. – Неужели его родители так называли? У них, выходит, такая же фамилия? А имя? В святцах такого не припомню.

– Это заимствование из арабского в английский. Означает «господин». Если буквально, получается «Господин Бриллиант».

– Ничего себе махнул, – посмеялся отец Серафим. – И что, никто не возмущался, что он так себя величает?

– Ну, мало кто понимает, а точнее практически никто, значение этих слов. Да ведь это же для красоты, а не ради смысла, – ответила Даша. – Суть жизни музыканта в музыке, эпатаже, им главное производить впечатление чем и как угодно. Популярность, она ведь непостоянная. Её надо поддерживать.

– Да-да, это верно. Только суета это всё и тлен. О душе надо заботу иметь, а не... Ну, не проповедь же мне читать теперь, – улыбнулся священник. – Так вот, слышал я о нем, Славе этом. Что человека убил, опозорился и потому сюда переехал. Живет, ни с кем не общается. Ну, то есть как. Дважды в неделю, по понедельникам и пятницам, навещается в местный магазин. Это в деревеньке Поземье, где я настоятелем. Придет, купит по списку, расплатится и уходит.

– Пешком? Машины нет у него?

– Нету. Погрузит сумку на санки, да и топает своей дорогой. С местными не общается, в храм не ходит. Бирюк.

– Что такое бирюк?

– Затворник, одинокий молчаливый мужчина по-нашему, – пояснил отец Серафим. – Ну а тебе-то он зачем понадобился? Плохой человек ведь. Человека на машине убил. После такого бы по закону в тюрьме сидеть, а он тут, на свободе.

– Я фотограф...

– Ну, это понятно. Вон как свою технику прижимаешь, словно добра молодца.

Даша засмушалась, покраснела. А может, это чай её так разгорячил.

– Мечтаю работать в международном издательстве. Чтобы туда попасть... – и она сказала, как сама выбрала себе задание, чтобы удивить потенциального работодателя.

– Вот оно что, – задумчиво сказал священник. – Прости, милая, но будь там кто другой, помог бы. Скажем, художник или поэт, отошедший от суетного мира. Но там, судя по тому, какие разговоры ходят об этом Славе, человек очень дурной. Гнилой изнутри. Я тут как-то раз захотел послушать ради интереса его песню. «Дупло» называется. Думал, что про дерево. А там... Господи, прости. Мат-перемат сплошной и такие сальные гадости... Брр! – отца Серафима от воспоминаний аж передёрнуло.

– Ничего, батюшка. Вам и на том спасибо, что помогаете. Я обязательно загляну в ваш храм, пожертвование сделаю, – пообещала Даша.

– Эх, ты, Дарья, – нахмурился священник. – Ты что же, думаешь, я тебе помогаю, потому что номера у тебя на машине московские? Обижаешь. Я за-ради Христа всё делаю, запомни.

– Простите, не обижайтесь, пожалуйста, – сказала девушка. – Я подумала, деревенька у вас, наверное, маленькая, прихожан мало, помощь лишней не будет.

– Ну, раз так рассуждаешь, то хорошо, – ответил священник.

Вскоре пришел Ростислав.

– Приводной ремень лопнул. Аккумулятор сдох. Запчасти нужны, – пробасил, не глядя в глаза.

– А сколько они стоят? – спросила Даша.

Автомастер назвал сумму. Девушка вытащила купюры из кармашка курточки. Положила на стол. Ростислав сграбастал их большой черной ладонью.

– Завтра, вечером, будет готово, – сказал и опять ушёл.

– Вот и славно, – сказал отец Серафим. – Что ж, придётся тебе пока у меня пожить, согласна?

– Да ну что вы. Я лучше в гостиницу, – ответила девушка.

Священник посмеялся в бороду. «Когда он так делает, на дедушку Мороза становится похож», – подумала Даша с добрым чувством.

– Милая, у нас последнюю гостиницу закрыли лет тому двадцать назад. Больше не открывали. А меня ты не стеснишь. Я ведь с матушкой живу.

– Мамой? – спросила Даша.

И опять священник рассмеялся.

– Матушка – так зовут испокон веков на Руси жену священника. Моя супруга, Антонина Тимофеевна, наверное, уже всем святым успела помолиться за сохранение моей души. Телефон-то на морозе разрядился, позвонить не могу. Так что давай, поехали, пока моя старушка «Волга» не окоченела совсем. Иначе заводиться трудно будет.

Вскоре они, наведя на кухне Ростислава за собой порядок, снова ехали в метели. Только на этот раз Даша села рядом со священником, который уверенно вёл машину сквозь снежную пелену.

Глава 8

До деревеньки с фэнтезийным названием Поземье добирались ещё около часа. То и дело отец Серафим сосредоточенно крутил баранку своей «Волги», и та побряхтывала, объезжая сугробы. Наконец, машина остановилась, священник вышел и размашисто перекрестился: «Слава тебе, Господи, добрались!»

Даша осмотрелась: они оказались на широкой улочке, едва освещенной парой фонарей, чей свет едва пробивался через снег. Была она всего домов тридцать примерно, и здание, к которому направился священник, ничем особенным не выделялось. Обычный деревенский дом из брёвен с маленькими подслеповатым окошками, которые к тому же причудливо украсил узорами мороз.

Внутри их ожидала супруга священника Антонина Тимофеевна. Увидев супруга, она досадливо покачала головой. В её взгляде не было злости или осуждения. Скорее, досада.

– Прости, матушка, – ответил на этот взор отец Серафим, – телефон разрядился на морозе. Зато посмотри, какую гостью я к нам привел. Знакомься: Дарья, фотограф из Москвы. Прибыла к нам снимать затворника нашего.

– Здравствуйте, – улыбнулась жена священника. Оказалась она, как Даша её себе и представляла, женщиной полноватой, с добрым круглым лицом. Волосы аккуратно уложены в длинную русую косу, что тянулась почти до пояса.

Поздоровались, познакомились. Уселись за стол ужинать. Священник рассказал, с какими приключениями они добирались домой. Только эпизод с дальнобойщиками оставил в прошлом. Не захотел, видимо, матушку Антонину расстраивать. Даша оценила этот поступок. Правильно: если бы её молодой человек (будь он в принципе) стал рассказывать, как с кем-то подрался, ей бы не понравилось. Даже при условии, что победил. Это мужчинам друг перед другом нравится хвастаться своими битвами. Но здесь таковых, кроме отца Серафима, не было.

– Так вы, значит, задумали затворника сфотографировать? – спросила с улыбкой Антонина.

– Да, есть у меня такая идея, – ответила Даша.

– Ох, нелегко вам придётся, – сказала матушка.

– Почему? Что, кто-то раньше приезжал? – оживилась девушка.

– Конечно. До вас было несколько человек. Правда, ни одной женщины. Мужчины все. С рюкзаками, фотоаппаратами и даже видеокамерами. Но ни одному не удалось даже приблизиться к дому того человека.

– Его Бриллиантом зовут.

– Бриллиантом? Что за имя такое странное.

– Я тебе потом, матушка, расскажу, – заметил отец Серафим.

– А, ну хорошо. Да, ни один не добрался. Вы, верно, спросите, почему? Так я отвечу. Туда есть две дороги. По одной можно проехать на машине даже. То есть попробовать, а уж добраться вряд ли. Что ни дождь – её размывает сразу. Да и местные там иногда ездят. На тракторах. Колеи потому очень глубокие. Там неподалёку лесопилка, вот и проложили путь. Но от неё до дома Бриллианта этого ещё километров пять. Вторая дорога короткая. Не дорога, тропинка скорее. По ней он, кстати, к нам в Поземье и приходит, человек тот. Так вот она через лес идет, потом через болото. Ганюшкина гать называется.

– Странное название, – сказала Даша, ощущая, словно холодным ветром под одежду подуло.

– А у нас тут лет двести тому назад отшельник жил, монах. Исаакием звали. Вот за тем болотом и была у него келья в лесу. Неподалеку от того места, где нынче затворник тот живет, музыкант ваш московский, – ответила матушка Антонина. – Фамилия его была Ганюшкин. Он

и принялся дорогу из бревен сооружать. Гатить, то бишь. Да не успел, помер. Ну, а потом уж никому не надо стало. Название одно и осталось. Ну, дорога сгнила. Болото же.

– Да, страшное место, гиблое, это гать, – поддакнул священник. – Со временем и всё болото так называть стали. Там народу сгинуло много. И животных, диких и домашних. Вот смотришь: вроде снег, поле. Летом – зелено всё, травка. А наступишь – и провалишься в бездну чёрную. Затянет, не выбраться. Мы знаем, туда не ходим. И скотину стараемся не пускать. Пропадёт иначе-то.

– Как же он туда ходит? – спросила Даша, испытывая мистический ужас перед болотом. Она только слышала о них, но видела только в кино и по телевизору.

– Тот музыкант, что ли? Так ему, видимо, кто-то рассказал про тропинку, – ответил священник.

– Короче говоря, никто так и не добрался. Которые приезжали, им через болото путь заказан был. Мы тут люди приветливые, но они же все грубые, деньги совали прямо в лицо. Покажи, мол, как Бриллианта найти. Нельзя так. С людьми вежливо надо, обходительно. Ты нас спроси о семье, про здоровье. Поговори уважительно. Так мы тебе и бесплатно покажем. А эти, прости, Господи, купюры суют. Нехорошо, – заметила матушка Антонина.

– А вы мне тропинку ту покажете? Мне очень надо, правда, – стараясь быть ласковой кошечкой, промурлыкала Даша.

– Хорошо, – улыбнулась жена священника, поняв маленькую хитрость юной гостьи. – Завтра поутру пойдем с тобой. Весь путь не пройду с тобой, далеко. Да и хозяйством. Но дорогу обскажу подробно, не заблудишься.

Пужинали, затем легли спать. Даша заснула в маленькой комнатке, которую ей отвели, как ребенок. Стоило закрыть глаза, и всё. Проснулась утром от ласкового шёпота матушки Антонины.

– Вставай, Дарья, пора в путь. Кто рано встаёт, тому Господь подаёт, – сказала.

Умывшись и позавтракав, они выдвинулись в дорогу.

Погода нынче, в противовес тому, что творилось накануне, радовала. Снег сверкал и искрился на ярком солнце, переливался всеми цветами радуги и хрустел под ногами. Мороз был сильный, щепал щёки и носы, но теперь Даше он был не страшен. Антонина выдала ей валенки, теплые вязаные варежки и шапку, заставила натянуть толстые колготки под ватные штаны. Надев полушубок, девушка глянула на себя в зеркало и ахнула: оттуда на неё смотрела немного удивлённо деревенская красавица. Ту одежду, в которой она так легкомысленно приехала сюда, едва не замёрзнув посреди пути, пришлось оставить в доме священника.

Пока они шли по деревне, местные жители, что попадались по дороге, неглубоко кланялись и приветствовали матушку Антонину. Та отвечала, и Даша тоже кивала и говорила всем подряд «Здравствуйте». Ей отвечали, девушке было приятно. В Москве хоть полгорода пешком пройди, никто ничего не скажет. Ни один встречный не улыбнётся даже. Не принято. Разве продавцы в магазинах, так у них это работа. А здесь – просто уважение. Даже к незнакомцу. Тем более, видимо, раз с супругой священника идёт, то его достойна.

Они вышли за окраину села и углубились в лес. Путь себе приходилось прокладывать с трудом, высовывая ноги из сугробов. Но матушка шла вперед уверенно, она знала, где много наметает во время метели, а где поменьше. Потому и не застревали нигде. Потом вышли к большому бугристому месту, засыпанному снегом.

– Вот она, – в её голосе прозвучало нечто похожее на мистическое уважение, – Ганюшкина гать.

Здесь было тихо. Слишком даже. Ни птица не крикнет, ни зверь не рыкнет. Казалось, даже ветер сюда лишний раз старается не залетать. Над обширным болотом царило гробовое безмолвие. «Как на кладбище, – подумала Даша и вспомнила, что ей отец Серафим об этом месте говорил, сколько тут живых душ сгнуло. – Кладбище оно и есть».

– Страшно тут, – сказала тихим голосом.

– Не бойся, с нами крестная сила, – сказала Антонина и перекрестилась. Прищурившись, посмотрела вокруг, заметила кривую сосну и направилась к ней. Там, вооружившись длинной палкой, найденной по дороге (она её назвала слегой), ступила на равнину. Сначала щупала почву впереди, затем только переступала.

– За мной иди по следам. Ни шагу в сторону не делай – пропадёшь, – предупредила.

Даша, с такой же палкой, пошла за матушкой.

На удивление, они даже валенки не замочили. Перебрались на другую сторону. Девушка в страхе обернулась. Болото хранило молчание.

– Ну вот, видишь, совсем не страшно, – улыбнулась Антонина. – Ты слегу оставь тут, никто не возьмет, – и прислонила её к березе у берега. – Дальше вот так пойдешь, – и пояснила, куда направляться. И да, вот ещё, – вытащила и протянула Даше компас. – Всё время на северо-восток двигайся. Так к дому затворника, Бриллианта того, и выйдешь. Ну, а уж дальше сама. Мне пора. И если послезавтра к обеду не вернешься, то смотри, пойдем тебя спасать. Жаль, сотовая связь тут не ловит совсем. Ну, с Богом! – перекрестила девушку и побрела обратно.

– Надеюсь, у меня всё получится, – выдохнула Даша и направилась в лес. К счастью, он был довольно редким, а не густым и дремучим. Иначе вряд ли она отважилась бы через него пробираться. Но даже теперь шла и опасливо прислушивалась: вдруг зверь какой? И ещё крутился в голове дурацкий стишок, выдыхаемый по строчке на каждом шагу:

«Аню ели волки,

Аню волки ели...

Эту гадость...

Эти волки...»

Потом неожиданно остановилась, поняв, что лес уже закончился. Впереди – примерно на километр поле, за ним – снова лес, но на его окраине небольшой холм, и на нем – деревянный дом за высоким забором. Даша сразу поняла – это и есть то самое место, где скрывается музыкант Бриллиант. Вдохновлённая, девушка с удвоенными силами принялась пробираться к нему через глубокий снег.

Глава 9

Пробираясь по глубокому снегу, который ей местами доходил до пояса, из-за чего она изрядно промокла и продрогла (благо еще не было ветра и крепкого мороза, как в прошлую метель), Даша вдруг подумала, что фотограф из нее на самом деле никудышный. Ведь если окинуть окрестности профессиональным взором, то сколько невероятной красоты можно заметить вокруг! Как снег серебрится на солнце, укрывая землю пушистым мягким одеялом. Оно лишь кажется холодным и равнодушным, а на самом деле без него почва промерзла бы так сильно, что по весне здесь ничего не выросло бы. А ведь наверняка это огромное поле, через которое теперь пытается пройти она, Даша, с приходом тепла покрывается разнотравьем!

Или вот лес. Пока она шла через него, пусть и не такой густой и страшный, в какие красивые наряды облачились сосны и ели, берёзы и клёны! А еще она видела алые гроздья рябины, над которыми трудились два снегиря. Она впервые видела их вживую и была в полном восторге! Но даже не подумала доставать фотоаппарат, висящий позади в сумке, перекинутой через плечо. Или могущественное болото Ганюшкина гать, которое таит в себе столько мрачных секретов. Разве его можно было не запечатлеть?

«Наверное, да, – остановившись и переводя дыхание, – подумала Даша. – Я портретист, это главное». И, упрямо отправившись далее, вспомнила, что это для большинства людей фотограф – «человек с фотоаппаратом». Раз умеет кнопку нажимать, то больше ничего не нужно. Тем более техника нынче сама всё сделает. «Выставляешь автоматический режим, и готово», – как советовал один суперпопулярный блогер. Правда, на его «шедевры» без слёз смотреть невозможно. Но подписчики пищали от восторгов.

«На самом деле, – думала Даша, стараясь отвлечь себя от грустных мыслей о том, что она может посреди этой заснеженной целины окончательно замёрзнуть и простудиться, – у каждого фотографа своя дорога. Как у художника. Есть те, кто прекрасно снимает свадьбы, юбилеи, домашние праздники. Близко к ним – репортажники, умеющие выхватывать из потока событий самое интересное. Всего несколько кадров, лучших, и у тебя при взгляде на них ощущение того, как было там. Есть пейзажисты, которые обожают природу. А среди них особая категория – те, кто фотографирует животных и способен двое суток просидеть по шею в озере, чтобы увидеть, как розовый фламинго ловит рыбку на закате. Ну, а я – портретист. Причем не постановочный».

Последним качеством Даша гордилась особенно. Она терпеть не могла заставлять людей как-то по-особенному одеваться, занимать позы и принимать выражение лица, устанавливать свет, – словом, делать всё, чтобы потом оставалось только «кнопочку нажать». Наоборот! Ей всегда нравилось ловить мгновение. Взгляд, мимику, жест, движение. Порой они говорили о человеке больше, чем он мог рассказать о себе сам. Иногда раскрывали такие детали, о которых никто даже и не догадывался. Это было поразительно, восхитительно порой и иногда пугало даже, заставляло крепко задуматься.

Пока рассуждала, Даша добралась до невысокого деревянного забора. Он ограждал довольно большой, в пару десятков соток, участок земли. На них возвышались небольшой деревянный дом, рядом с ним стоял сарай. Все выглядело довольно крепким, не слишком старым. Неподалеку во дворе девушка заметила колодец. На снегу около сарая лежали неубранные щепки, что говорило об одном: хозяин недавно колот дрова. Вдалеке, на окраине участка, возвышалось строение типа «сортир», но дорожка к нему была занесена снегом. «Значит, в доме есть туалет», – догадалась Даша.

И что дальше? Калитка была заперта, причем не на простенькую щеколду, как у отца Серафима, например. А на замок. Навесной, прочный. Девушка подумала, что надо бы позвать хозяина. Только что она ему скажет? «Здравствуйте, я приехала к вам из Москвы, чтобы сфо-

тографировать?» Это нелепо: пошлет подальше, не задумавшись. Даша растерялась. Но чтобы не впадать в панику, достала из сумки фотоаппарат и сделала несколько снимков на широкоугольный объектив. Не удержавшись, встала к дому спиной и запечатлела огромное заснеженное пространство, через которое перебралась. «Потом эту серию фотографий можно будет склеить в шикарную панораму», – подумала.

Сменила широкоугольник на телевик – объектив с большим, 75-300 мм, фокусным расстоянием, дающим возможность многократно приближать объекты. Принялась водить по двору, по окнам домика. Внутри горел желтый свет, но разглядеть детали было невозможно: мороз так сильно раскрасил стёкла узорами. «Жаль, что здесь не стеклопакеты, – подумала Даша. – На них узоров не бывает, только бисерины конденсата». Однажды дома, проснувшись, она увидела, как крупные капли стекают по оконному стеклу. Их тоже сфотографировала. Показалось красивым, как они, будто бриллианты, сверкают на утреннем солнце. «А этот «бриллиант», – вспомнила о цели своего путешествия, – кажется, сегодня из дома не выйдет. И что мне делать? Возвращаться. Блин, как же я продрогла!»

Оставалось три варианта: уходить прямо сейчас, поскольку еще пара часов на морозе, и она точно станет пациенткой отделения женской урологии. Остаться и подождать еще немного в надежде на судьбу, которая не всегда злодейка, а порой даже очень милая и добрая барышня. Наконец, постараться докричаться до Бриллианта. Даша, глубоко вздохнув, выбрала второе. «Еще полчасика, а потом решу», – кивнула упрямо головой. Навела объектив на входную дверь и принялась ждать.

Время с этого момента потянулось очень медленно. Минуты растягивались в часы, и девушка каждой клеточкой своего тела ощущала, как холод постепенно захватывает ее. Он пробирался через те места, которые больше всего пострадали от снега. Это была область живота и поясницы, куда белая холодная «вата» набивалась во время хождения. И еще бёдра и колени, поскольку снег норовил забраться под валенки. Когда Даша двигалась, согреваясь, это было не так заметно. А теперь чувствовала, насколько промокла: до нижнего белья. Да еще вспотела сильно, и теперь казалось, будто тело покрывается тонкой ледяной корочкой.

Но внезапно девушка вздрогнула. Дверь домика открылась, и на крыльцо вышел молодой парень – Даша не сразу узнала в нем того самого знаменитого на всю страну музыканта, мажора и бабника, которых в своих рэп-композициях воспевал бабло, секс и запрещенные вещества, из-за чего у него даже проблемы были со Следственным комитетом. Несколько раз музыканта даже штрафовали за «пропаганду наркотиков». Но ему всё сходило с рук: деньги и связи способны на многое. Да и кто станет прессовать самого популярного музыканта страны?

Только теперь Слава не был похож на того ухаря, который ходил в крутых прикидах, щеголяя золотыми цепями, часами, пирсингом, серьгами и много чем еще. Не считая, конечно, татуировок, коих у него было, кажется, штук двадцать. Теперь на голове у парня была меховая шапка с ушами, завязанными на макушке. Полушубок до пояса, стеганные ватные штаны, заправленные в валенки. В руках он держал два оцинкованных ведра.

Словно человек, много времени проводивший в засаде, Даша, испытывая восторг и инстинкт охотника, резко вскинула фотоаппарат, навела объектив на Славу и принялась фотографировать, то отдаляя, то приближая изображение. Она заметила, что никаких серёг в ушах музыканта не было. Пирсинг с лица тоже исчез. Но удивительно: насколько Даша смогла понять, местные жители – мужчины все с бородами, потому что морозы тут крепкие. А у музыканта лицо, как и всегда, было гладко выбритым. Тем поразительнее это показалось, учитывая его одинокий статус. «Или он тут себе подружку завёл? – подумала вдруг девушка. – Если так, то это будет не фоторепортаж, а бомба».

Она продолжала снимать, не выбираясь из неглубокого сугроба, в котором заняла наблюдательную позицию. Слава между тем дошел до колодца, отцепил стоявшее на краю ведро на цепи, и то понеслось с грохотом вниз. Раздался плеск воды, затем музыкант принялся крутить

толстую металлическую ручку на толстом бревне. Даша помнила, как оно называется. Ворот, кажется.

Подняв ведро, Слава вылил его в принесенное, и снова отпустил ручку. Ворот опять закрылся, снова в глубине раздался плеск.

«Апчхи!» – вдруг раздалось неподалеку.

Музыкант замер. Стал крутить головой: откуда звук?

Прошла минута. И только он руку протянул к ручке ворота, как снова:

«Апчхи! Апчхи!»

– Будьте здоровы! – крикнул Слава в никуда.

– Спасибо! – машинально ответила Даша. Это она чихала, продрогнув окончательно. Брякнула машинально, по вежливой привычке, и тут же зажмурилась и втянула голову в плечи. «Всё! Пропала», – подумала в испуге.

– Выходи! – потребовал музыкант, нахмурившись.

Даша встала из сугроба. Но вместо того, чтобы поздороваться, опять-таки автоматически, как профессиональный фотограф на важном задании, вскинула фотоаппарат, мгновенно навела на лицо Славы и нажала «спуск».

– Ты что сделала?! – загремел на всю округу встревоженный злой голос. Заметив, что его снимают, музыкант, казалось, пришёл в бешенство.

– Сфотографировала вас, а что, нельзя? – Даша дерзко глянула ему в серые глаза, которые еще пять минут назад казались умными и грустными, а теперь – бешеными.

– С ума сошла? Удали немедленно! Я не разрешал! – Слава рванул к девушке. Пока шел, скрипя снегом, она видела: тяжело и часто дышит, пальцы сжаты в кулаки. Сильный, решительный, тестостерон в нем кипит, словно чайник на плите.

– И что вы сделаете? – девушка спросила, а сама внутренне охолодела немного.

– Увидишь сейчас, – он легко перемахнул через преграду, оказавшись рядом. Подошел, выхватил из её рук фотоаппарат, замахнулся и швырнул об забор. Пластик, стекло и металл брызнули в стороны осколками.

Даша замерла с широко распахнутыми от ужаса и обиды глазами.

– Я предупреждал! – прорычал музыкант, но тут же замер, уставившись в её карие глаза. Злость на его лице вдруг сменилась растерянностью.

– Ты... плачешь?..

Даша, закрыв руками лицо, заплакала.

Глава 10

Даша плакала от обиды. Из-за того, что ей пришлось несколько километров пройти по снежной целине, через смертельно опасное болото, и всё ради того, чтобы лишиться фотоаппарата! Она в этот момент ненавидела музыканта. А он, глядя на ее слезы, растерянно смотрел и не знал, что ему делать, как быть. Ох, мужчины! Как девушек доводить до такого состояния, – в этом им нет равных! Но большинство, увидев мокрые женские глаза, превращаются в напуганных маленьких мальчиков!

В тот момент, конечно, Даша так не думала. Просто ревела, утирая слёзы, для чего пришлось даже снять варежку. На таком морозе, уже поняла, если сразу не смахнуть влагу с лица, она превратится в ледяную корочку, об которую запросто можно поцарапаться. Вот и усердно убирала ее, не зная, как дальше быть. Вернее, возвращаться конечно. Что ей тут еще делать. «Но я провалила задание!» – эта мысль Дашу добила окончательно. Плюхнувшись на попу прямо в снег, она совсем расстроилась и разрыдалась в голос.

Слава некоторое время стоял и молча смотрел. Но потом вдруг наклонился, просунул одну руку девушке под колени, второй обхватил за талию. Поднял, как пушинку, да и потащил в свой дом. Фотограф была такая расстроенная и уставшая, что даже сопротивляться не стала. Больше того: положила ему голову на плечо, словно маленькое раненное животное, которое ничего не боится больше – сил у него не осталось. Можно теперь только довериться своему то ли спасителю, то ли похитителю.

Музыкант пронес Дашу все расстояние до своего дома. Не выпуская, раскрыл дверь, прошел через прихожую (тут ее называют сенями), а потом бережно усадил на табурет рядом с входной дверью, поставив ноги на небольшой половичок. Гостя откинулась на стену и закрыла глаза. «Будь что будет», – подумала. От усталости и пережитого расстройства на нее накатило безразличие. Не совсем полностью, конечно. «Если станет приставать, дам ему по наглой морде», – решила она. Понимая, впрочем, что силёнок-то не хватит, если что, совладать с таким парнем. Он, Слава, показался ей сначала тщедушным, а теперь, когда пронес столько и не запыхался даже, показал свою силу.

Пока Даша отдыхала, музыкант бережно стянул с нее валенки. Затем теплые шерстяные носки, после тонкие хлопчатобумажные носочки. Всё это было мокрое, пропитанное растаявшим снегом. Затем вдруг взял под мышки и заставил подняться. Девушка возмущенно раскрыла глаза в тот самый момент, когда молодые люди оказались напротив друг друга. Очень близко. Только смотреть на него пришлось снизу, – Слава был на полголовы выше. Их взгляды встретились. Фотограф изучала его зеркала души, он – ее. «А они у него красивые, – подумала. – С длинными пушистыми ресницами, выдают человека умного и доброго. Интересно, что он думает обо мне?»

Пауза продлилась несколько секунд. Они стояли и смотрели, словно заворожённые, а потом Слава, смущенно отведя взгляд, сказал:

– Снимите, пожалуйста, верхнюю одежду. Вам нужно переодеться, иначе простынете.

Отвернулся.

Первым желанием Даши, когда он сказал это всё, было возмутиться. Послать его подальше. Как так? Разбил ее любимый фотоаппарат, а теперь еще заставляет раздеваться перед ним?! Но тут же вспомнила, как вежливо Слава произнес свои слова. То был не приказ, а просьба. Причем на «вы», хотя при первой встрече он фотографу злобно «тыкал». «Ладно, посмотрим, что ты сделаешь дальше, Бриллиант!» – подумала Даша и стянула с себя полушубок, ватные штаны, свитер, оставшись в спортивных брюках и футболке. Всё было и здесь влажное: штанины промокли от снега до колен, футболка пропиталась потом.

Она стояла в одном нижнем белье, поёживаясь от прохлады, хотя в доме и было жарко натоплено, в печи весело потрескивали дрова, от нее исходил густой жар. Но все равно не по себе.

– Я... не могу... дальше раздеваться, – выговорила, смутившись, прямо как хозяин дома.

– Ох, – спохватившись, сказал он. – Простите! Я сейчас! – метнулся к шкафу, достал оттуда какие-то вещи, полотенце, положил все это рядом с девушкой на другой табурет, а сам выскочил в сени. Прозвучали шаги, закрылась дверь. «Элвис покинул здание», – улыбнулась Даша, вспомнив старую присказку. Ее придумали для поклонников короля рок-н-ролла, поскольку многие даже по окончании концертов не желали расходиться. Окружали здание со всех сторон и ждали, когда их кумир появится. Но выходил человек, произносил заклинание, и народ разочарованно разбредался.

Даша посмотрела, что Слава ей приготовил. Ага, подойдет. Там были футболка, спортивный костюм, новенькие носки и мягкие слипоны. «Рима» – значилось на вещах. «Ого, фирменные», – подумала фотограф и принялась переодеваться, сначала тщательно вытираясь полотенцем. Хорошо, дезодорант с собой не забыла прихватить. Вот он, в сумке с фототехникой. Заглянула туда, достала вещицу. Как же пусто внутри! Нет любимого фотика... Снова чуть не расплакалась, пришлось себя сдерживать.

Облачилась, уселась на табурет и стала думать, что дальше делать. «Обсохну, да и обратно пойду», – решила. Но, посмотрев на часы, свои любимые беленькие Galaxy Watch Classic, поняла, что ей вернуться сегодня не судьба. Стрелки показывали второй час. Не заметила даже, сколько потратила, пока сюда добиралась! Думала, часа полтора, а вышло целых три, даже чуточку больше. Пока соберется, пока обратно пойдет, возле деревни окажется в полной темноте. Болото в таких условиях переходить очень опасно.

Да и куда она отравится, если валенки мокрые, полушубок тоже вон пропитался влагой, ватные штаны еще хуже. Даша глубоко вздохнула и окончательно расстроилась. Ну что ж за день-то за такой!..

Горевать пришлось несколько минут. Вернулся Слава. В маленьком мешочке нёс что-то. Содержимое шуршало.

– Вот, я тут собрал, – виновато сказал, не смея девушке в глаза посмотреть. – Может быть, удастся починить?

Он протянул мешочек Даше. Она взяла его, бросив в ответ неприятный взгляд. Подошла к столу и аккуратно высыпала содержимое. Это оказались осколки фотоаппарата. Девушке сразу стало понятно: «тушка» вдребезги, объектив тоже, у него отломился и повис на тоненьких шурупчиках байонет. Да и стекло внутри оказалось треснутым. Такое восстановлению не подлежит. Раскрыла батарейный отсек. Достала аккумулятор, повертела в пальцах. Вроде целый, надо будет проверить. Отколупнула ногтем крышку, за которой в узенькой щелочке скрывается карта памяти. Вытащила, осмотрела. Тоже, видимо, не пострадала. Положила это всё в сумку, остальное с грустным сердцем убрала обратно в мешочек.

– Остальное можете выбросить, – печально сказала Бриллианту.

Он молча взял его, унес в сени. Вернулся.

– Вам придётся остаться у меня, – сказал, опять стараясь глазами не встречаться. – Скоро стемнеет уже, да и метель опять надвигается. Сотовая связь тут не ловит, так что... Присаживайтесь за стол, сейчас обедать будем.

«Надо же, вежливый стал какой!» – подумала Даша с раздражением. Но оно тут же прошло, когда села за стол. И едва заняла место, как испуганно вздрогнула: ей прямо на колени, появившись из ниоткуда, прыгнул пушистый кот. Понюхал, а потом улёгся так, словно знает девушку с первых дней своей жизни. И вообще, она его любимая хозяйка. Только та не понимала, что теперь делать. Опасалась даже прикоснуться. Котяра между тем принялся довольно

урчать и тереться носом об ее живот. «А, запах хозяина чувствует», – подумала Даша, вспомнив, что одета в вещи музыканта.

– Сатурн! Брысь! – увидев кота на коленях фотографа, возмутился Слава. Но убирать его не стал, постеснялся. Сам же зверь даже ухом не повёл. Продолжал откровенно балдеть, греясь. Хотя от него самого шло столько тепла, словно грелку с горячей водой уложили.

– Вы простите его, он других людей здесь не видел, – за кота извинился Слава. Сам между тем продолжил возиться в сторонке, где у него оказалась крошечная кухонька. Скоро по дому поплыл аромат варёной картошки. Даша потянула носом и сглотнула. Только теперь поняла, как сильно проголодалась.

Но прежде на столе появились большой бокал (его Слава поставил с другой стороны стола) и чашка с блюдцем – для девушки. Еще хозяин достал мисочку с конфетами и сушками, которые в этих краях, насколько Даша поняла, с успехом заменяют печенки, поставил электрический самовар и включил. Сам вернулся на кухню и продолжил возиться с готовкой.

– Уютно у вас здесь, – сказала фотограф, закончив осмотр комнаты.

– Спасибо, – ответил Слава.

– Не скучаете по своей элитной квартире?

– Нет, мне здесь очень нравится. Простите, а как вас зовут?

– Даша.

– Красивое имя. Редкое. Я прежде не слышал.

– Спасибо. Вообще-то полностью Дарья.

– Как сестра Нео из «Матрицы»? – пошутил Слава.

– Нет, как Дарья из Москвы, – ответила фотограф строго. Дала понять, что не любит, когда над ее именем подшучивают.

– Простите, – глухо отозвался Бриллиант.

– Ничего, – смиростивилась Даша. – У вас тоже имя редкое – Бриллиант. В «Святцах» такого нет, видимо?

– Ну что вы. Это сценический псевдоним. Вообще-то я Святослав.

– Дарья.

– Очень приятно, – сказал музыкант и широко улыбнулся.

В этот момент лицо его словно засветилось изнутри, и на душе у девушки потеплело. «Не такой уж он и плохой, каким его рисуют СМИ», – подумала, успокаиваясь.

Глава 11

Они сидели в комнате и пили чай из самовара, который после того, как вода в нем вскипела, ещё долго фырчал и потрескивал остывающим металлом. Да водичка из носика капала на маленькое блюдце, специально оставленное для этого.

Даше стало тепло и уютно. Она хорошенько согрелась, даже жарко стало. Стянула куртку спортивного костюма, оставшись в футболке. Выглядела она теперь по-домашнему, но почему-то хозяйина дома совершенно не стеснялась, хотя прежде ни один мужчина не наблюдал её в таком виде. Больше того: хотя Даша и усиленно делала при общении с людьми вид, что она человек опытный, на самом деле была в интимном смысле невинной девушкой. Ни разу не встречалась ни с одним парнем, даже не целовалась.

Вообще таких, как она, принято называть домашними девочками. Отчасти Даша такой и была. Стеснительной, робкой, любила читать книжки и смотреть кино. Особенно всё, что касалось фотографирования. Но до конца школы не снимала людей или делала это издалека, чтобы те не замечали. Боялась подойти и попросить сфотографировать. Потому, когда поступила в МГУ на факультет искусств, твёрдо решила менять свой характер. Или же ей придётся ограничиться лишь теми снимками, которые можно сделать с помощью длиннофокусного, то есть с многократным оптическим приближением, объектива. А это не всегда возможно и порой совсем нехорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.